

Пушкарь

Автор:

Юрий Корчевский

Пушкарь

Юрий Григорьевич Корчевский

Пушкарь #1

Волею судьбы автокатастрофа переносит нашего современника, врача из южнорусского городка Юрия Кожина в XVI век. Для того, чтобы выжить, ему придется многому научиться и самому научить других. Татарский плен, любовь, измены, корсарство, захватывающие дух схватки, погони и морские сражения, знакомство с королями Франции, Швеции, Англии – через многое ему придется пройти, чтобы занять достойное место в новом для него мире.

Профессиональные знания, смекалка, храбрость, честность и великодушие, любовь к Родине и к женщине помогут ему.

Юрий Корчевский

Пушкарь

Глава 1

Дежурство мое почти заканчивалось, беспокойное, надо сказать. Слава богу, завтра ухожу в отпуск. Куда отправлюсь, еще не решил, но то, что дома оставаться не хочу, – это несомненно.

В ординаторскую урологического отделения вошла Людочка – как всегда в накрахмаленном халатике и таком же чепчике, вся какая-то свежая и чистая, лучащаяся каким-то светом, – я всегда удивлялся, нестарый, с собственной точки зрения, мужик, после суточного дежурства выгляжу помятым – отросшая щетина, синева под глазами, помятый костюм.

– Доктор, в приемный покой вызывают, скорая кого-то привезла!

Господи, да уже шесть утра, чего же пару часов-то погодить не могли! Ладно, спустился и с бодрым видом зашел в приемное.

На кушетке лежал «браток», бритый, откормленный, как бычок, и с золотой цепочкой толщиной с большой палец вокруг необъятной шеи. Лицо бледно-серое, видно, хреновато «братану».

– Доктор, помоги! В долгу не останусь!

Да, как же, при своих бы остаться. Начал осмотр. Язык суховат, обложен, живот при ощупывании болезнен в области правой почки. Похоже на почечную колику. Назначил анализы и пошел к себе в ординаторскую урологического отделения. Урология в нашем городишке маленькая, оснащена не бог весть как – спонсоров-то богатых нет, не Москва, чай.

Пока «братку» сделают анализы, надо записать истории болезни тяжелых больных, находящихся под наблюдением, – воз и маленькая тележка.

Сделал записи. Один из моих учителей по хирургии в бытность мою студентом в Ставропольском государственном медицинском институте говаривал: «История болезни пишется для проверяющих комиссий и прокурора, запомните это и держите документы в порядке». Глупые и неопытные мы еще были, посмеялись – думали, шутка. Жизнь показала – дядька был прав.

Резко зазвонил телефон. Дежурный лаборант заспанным голосом продиктовала анализы «братка». Да-а-а, вот уж не вовремя нелегкая его принесла. Если бы я тогда знал, как изменится моя судьба после нашего с «братком» знакомства! Обычная тактика при почечной колике – «капельницы», баралгин, понаблюдать. Не всех же с камнями резать, тем более отпуск на носу. Я уже всех своих больных передал другим ординаторам и заведующему – а вот и он, легкий на

помине.

– Ну-с, как дежурство?

– Да более-менее спокойно, на двоих оформил выписки, одного с МКБ (для тех, кто не знает, – мочекаменная болезнь) в одиннадцатую палату определил.

Сдав документы и использованные ампулы от наркотиков, получив от сотрудников кучу наилучших пожеланий и советов, как отпуск провести, я отправился в кассу за отпускными – ага, закатай губы, кассирша посмотрела на меня как на полоумного: «Нет денег, да и когда отпускные вовремя были?! После получишь, целее будут!» И захлопнула окошко. Вот ешкин кот, отпускные нужны-то мне до отпуска, а не после, я отложил кое-чего, но...

В некоторой прострации добрел до своего старенького «жигуленка-шестерки» и отправился в магазин – кушать-то надо. После развода с женой я холостяковал в доставшейся мне после раздела однокомнатной квартире, правда, ремонт в ней я сделал на уровне, так как комфорт и чистоту любил.

Открыв холодильник, достал бутылочку запотевшего сразу пива и блаженно развалился на диване. Хорошо-то как! Бессонница и усталость взяли свое, незаметно я провалился в объятия Морфея. И снился мне страшный сон – девушка в старинных одеждах, ратники в кольчугах и сверкающих шлемах, клыкастые чудовища. Пробуждение было неприятным – затекла левая рука и было ощущение какого-то шума. Я прислушался, стук в дверь повторился, как вставать не хотелось, но я вяло прошлепал до двери. На площадке стоял мой сосед сверху – Петрович, имени я не помнил, да и все во дворе звали его так.

– Слушай, Юра, выручай, собака у меня на даче заболела, нос горячий, не ест ничего, скулит.

– Так, пригласи ветеринара, я же не специалист по собакам.

– Да разговаривал я с ним, цену больно высокую загнул.

Вот ведь незадача, почему-то все в доме считали, что врач у них вроде домашний, то ночью к старушке с гипертонией позовут, то к мальцу с болями в

животе. Я уж и так держал на всякий случай и медикаменты в доме, и кое-какой инструмент, списанный в отделении. Но до собак дело как-то не доходило.

– Выручи, Юра, давай съездим, тут недалеко, я на машине тебя быстро туда и обратно, а хочешь, там отдохнешь, свеженьких огурчиков поешь.

Планов у меня не было, я почесал затылок, стал собирать медикаменты и инструменты в сумку, заодно бросил туда спортивный костюм.

«Копейка» Петровича стояла у подъезда и, на удивление, завелась быстро.

По-стариковски кряхтя и бормоча что-то под нос, сосед медленно полз по узким, уже по-летнему душным улицам. Да и то, конец июня, лето вошло в свои права, дачники ринулись на свои участки, молодежь потянулась просто за город, на пруд.

Наконец приехали, дышалось на природе, конечно, хорошо, воздух чистый, свежий, не то что в городе.

Дачка у Петровича была из старых – небольшой кирпичный домишко в одну комнату и шесть соток. За воротами на привязи сидела, а вернее, лежала здоровенная овчарка. Я в породах не спец, но, по-моему, кавказская. Собак, надо сказать, я побаивался.

Петрович ободряюще похлопал меня по плечу, не бойся, мол, и взял за ошейник своего пса. Я осмотрел лапы, язык, потрогал нос – в самом деле, был сухой и горячий. Достал из дипломата фонендоскоп и прослушал легкие – картина стала ясна, я услышал крепитацию – признак воспаления.

– Петрович, у собаки твоей воспаление легких.

Хорошо, что у меня были с собой несколько флаконов ампициллина, один из которых я собаке и уколол.

– Ну, пойдем в домик посидим, поговорим, винца выпьем.

Петрович прошел по грядкам, срывая молоденькие огурчики, ядреную уже редиску, зеленый лучок. Сбегав к машине, достал из багажника сумку с черным хлебом и немудрящей закуской, кряхтя, сползал в погреб и вытащил на свет трехлитровую банку с вином. Выпили мы по стаканчику – хороша оказалась малиновая настойка, да с черным хлебушком, огурчиками с грядки и ядреной редиской, хорошо летом на даче, однако и труда она требует немерено, да и воруют изрядно.

Не любитель я в земле возиться, так, приехать с друзьями на шашлычок, пивка попить, с подругами пообщаться потихоньку. За обстоятельным разговором и уговорили мы почти всю банку. Я вострепнулся:

– Петрович, а как же в город ехать, ты пьяный, а автобусов уже и нет.

– А что тебе в городе, здесь воздух какой, постель тебе найду, да и укольчик собачке утром сделаешь.

Вот хитрован, вокруг пальца, можно сказать, обвел, а я и не заметил, в принципе я был не против, сейчас возвращаться в душную квартиру не больно и хотелось, хотя я по натуре горожанин.

Через распахнутую дверь втекала вечерняя прохлада, звезды были ярче, ветерок доносил запах трав, стрекотание цикад и лягушачьи концерты.

Я уже начал впадать в дрему, когда проснулся мой мобильник.

– Слушаю!

– Юрий Григорьевич, это Атанас (заведующий наш) беспокоит. Подъездь, посмотри своего больного, его днем Федор прооперировал, а дежурантом сегодня молодой, мне домой сейчас звонил, паниковал, а Федора найти не можем.

– Так, Виктор Семенович, я в отпуске уже числюсь, да и не в городе я.

Вот окунь скользкий, как бабки с больных брать, так он в отделении главный, а как делом заниматься, это пусть другие.

– То, что не в городе, это не вопрос, скажи адрес, за тобой подъедут.

Как мог, я объяснил, где дачный кооператив, и стал одеваться. Петрович обиженно сопел, но обиды не высказывал, да и на что?

Через полчаса за забором прорезались мощные лучи фар. Взревел гудок. За калиткой стоял здоровенный «Ниссан-Патрол» черного цвета, с наглухо тонированными стеклами. Дверь салона распахнулась, и я сел в машину.

Мама моя, вот это сарай! На таком только бревна возить – и проходимость будь здоров, и вместимость позволяет. За рулем и рядом с ним, на пассажирском сиденье, расположились два «братка», почти такие же бычки – бритые головы, челюсти, перемалывающие жвачку.

– Не бойсь, док, за беспокойство мы отбашляем, – сказал пассажир и протянул мне сто баксов.

Я немного поколебался, но резонно предположил, что за вызов в период отпуска мне никто, никакой бюджет, платить не будет – и взял. От обоих «братков» крепко тянуло спиртным, я забеспокоился.

– Что, переживаешь, док? – коротко хохотнул водитель. – Менты все куплены, а в этом танке ничего не страшно, – и он хлопнул здоровенным кулаком по рулю.

Я был несколько другого мнения, из-за плеча «братка» поглядывал на спидометр, который уже переваливал за полторы сотни.

Показался уже наш городок. Пост ГАИ и перед ним перекресток. Справа медленно приближались фары, «браток» еще чуть надавил на газ, пытаюсь проскочить перекресток первым, и это ему удалось, однако я с ужасом увидел буквально перед капотом джипа корму тракторной тележки, медленно влекомой «Беларусем». Сделать что-либо «браток» уже не успел, удар был ужасным, раздался звон стекла, хруст сжимаемого железа, треск досок прицепа и жуткий крик обоих «братков».

Очнулся я лежащим на траве, с головной болью и ощущением, что меня перед этим долго били. Я медленно сел, подавляя рвотные позывы. Картина,

окружающая меня, поплыла в сторону, и я снова упал без чувств.

Второй раз я очнулся, судя по всему, часа через четыре, солнце уже значительно ушло вправо и находилось почти в зените. Сильно хотелось пить, я попытался припомнить, как я здесь оказался. Неужели с друзьями поехал на природу, упился как ежик и меня сморило в кустах? А где же компания, почему меня никто не хватился?

В голове медленно начало проясняться: Петрович, дача, «братки», гонка на джипе и удар. Ага, вот я где, вероятно, меня выкинуло через окно. Сначала я поднялся на четвереньки, покачался и, с трудом приняв вертикальное положение, огляделся. Странно, а где же разбитый джип, трактор с прицепом и шоссе? Ведь перед аварией я ясно видел впереди, не больше чем в километре, пост ГАИ. Наверняка кто-то уже должен был сообщить о происшедшем.

Я подобрал свою сумку и начал выписывать концентрические круги, пытаюсь определить, где шоссе и разбитый джип. В голове мелькнуло, а сейчас уже полдень, авария случилась вечером, не может же быть, чтобы и люди, и техника находились здесь так долго. Понимание этого несколько восстановило душевное равновесие. Я оглядел себя – видок еще тот: одежда выпачкана, а кое-где и порвана. Сделал окрест пару расходящихся кругов, и пришло понимание чего-то странного. Авария произошла на шоссе, а шума оживленной магистрали не слышно, хотя в это время движение должно быть интенсивным. В душе зашевелился червячок страха, неуверенности, стало пусто под ложечкой. Может, бандюганы завезли меня подальше в лес, да и бросили? Зачем им это? Может, я уже в раю? Тогда почему в выпачканной одежде, да еще и с сумкой? Как я представлял себе этот рай – люди, а вернее, уже не люди должны быть в белой одежде. Тоже что-то не то. Не мудрствуя лукаво пошел напрямик, имея в виду, что рано или поздно наткнусь на тропинку, дорогу или жилье, а там сориентируюсь. Вокруг стоял березовый лес, редкий, просвечиваемый солнцем насквозь, весело чирикали птицы. Начинало пригревать, запах трав просто одурманивал. Наконец лес почти закончился и на опушке я увидел узкую проселочную дорогу. Наконец-то! Пришлось топтать часа два. Я несколько раз глядел на часы, но время тянулось как-то медленно. Один раз попробовал позвонить по сотовому, но на экранчике высвечивалось «поиск сети» и елочки антенны не было. Решив, что станция сети далеко, попыток созвониться больше не повторял. Вдали послышался перестук колес, и навстречу, из-за поворота, показалась лошадка, запряженная в телегу, на которой восседал мужичок зрелого возраста с окладистой бородой. Я остановился – все равно встретимся.

Телега поравнялась со мной, мужичок натянул вожжи, и телега остановилась. Глядел мужичок настороженно, в телеге под рукой лежал топор. Конечно, рядом с лесом стоит неизвестно кто в грязной и местами драной одежде, незнакомый, а в деревнях все обычно друг друга знают.

Я поздоровался как можно вежливей, мужик степенно ответил: «И ты будь здоров». Говор был какой-то странный. Я поинтересовался, далеко ли до города, и тут же услышал в ответ: «А до какого?» Это меня огорошило. Да ведь от моего родного города, где и произошла авария, километров сорок не было других городов. «А какой ближе?» – «Так, до Касимова верст двадцать, а до Лашмы и более будет». Я не мог сообразить, где это, ближе двухсот-трехсот километров таких точно не было, что за область-то?

Мужик, глядя на мою вытянутую физиономию, добавил: «Рязанские мы».

Вот это ешкин кот! Это же верная тысяча километров от моего города и дома. Попросившись подъехать хоть до ближайшей деревни, уселся на подводу. Тряское оказалось средство передвижения, на всех корнях деревьев, выбоинах тряслась и подпрыгивала так, что екали кишки. Глянул на часы и, заметив удивленный взгляд мужика, брошенный искоса, спросил:

– А день-то какой?

– Знамо дело, среда.

– А месяц?

– Травень.

– А год?

– Одна тысяча шестьсот тринадцатый от Рождества Христова, – и мужик перекрестился.

Если бы я не сидел на телеге, я бы точно упал. Дико вытаращившись на мужика, я ожидал усмешки от неудачной шутки, а глаза шарили в поисках подтверждения по одежде возницы. Учítывая, что в мое время нестоличные

жители одевались с рынков, где было в основном китайское и турецкое барахло, на ямщике не было вещей с молниями и заклепками, не было часов, не было туфель, а сапоги – короткие, черные, с подошвой без каблука.

За плавным изгибом дороги, которая огибала лесной мысок, показалась деревня. Я жадно вглядывался, ища зримые признаки цивилизации – остовы брошенной сельскохозяйственной техники, линии электропередачи, телевизионные антенны. Ничего этого видно не было. Нехорошее предчувствие холодной змеей заползало в душу, под ложечкой сделалось пусто.

Похоже, мужик не шутил.

Тряхнув бородой в сторону деревни, мужик промолвил:

– Вот и весь, Пашутино прозывается – боярина Ашуркова.

Мне никак не верилось в то, что вижу и слышу. Я попробовал снова включить сотовый, «Сименс» исправно выдал: «Подтвердите включение» – а дальше поиск сети, и все, никакой сети и не было.

– Слышишь, мужик, а переночевать-то здесь можно где?

– Так, постоянных дворов нету здесь, токмо в городе, но, ежели заплатишь за постой, у меня остановись.

Хорошо сказать, заплатишь, а чем? Я начал рыться в карманах – российские монеты, бумажные деньги, даже сто долларов от «братков» были, но ничего более ценного, хотя бы на обмен не было. Господи, да как же здесь жить, и на что? И как я сюда попал, и как мне вернуться домой – у меня же там квартира, работа, машина, друзья и мама. Голова раскалывалась от множества мыслей, версий всего со мной происшедшего и поиска выхода. Выход пока не находился. Одно пока радовало: я на территории Руси. Но время – это же четыреста лет тому назад. Хорошо ремесленнику, столяру, кузнецу, сапожнику, а я, кроме как лечить, почти ничего не умею. Ну, разбираюсь немного в электронике на уровне продвинутого пользователя – но кому это здесь надо? А если заняться своим любимым делом – как быть с аппаратурой – чем обследовать, чем лечить, наверняка и аптек здесь нет, а многие ли врачи могут похвастать знанием трав?

Какие здесь могут быть УЗИ, рентген или предоперационное мытье рук по Спасо-Кукоцкому?

Вопросов много, ответов пока нет. Меж тем мы въехали в деревню, состоящую из одной кривоватой улицы и полутора десятков деревянных домов. По улице бегали куры, детвора в рубашонках, медленно шел мужичок с оглоблей на плечах. Похоже, моя личность вызвала большой интерес – из-за плетней высунулись женские головы в платках, мужик с оглоблей остановился, провожая взглядом, дети замерли, разинув рты и ковыряя в носу. Вот уж такого любопытства к своей персоне я не ожидал, да и не хотел.

Подъехали к воротам, крестьянин отпер их, завел лошадку с телегой во двор, распряг не спеша. Все это время я стоял во дворе и глазел вокруг. Из дверей выглянуло женское личико и тут же скрылось.

Мы зашли в избу, двери были низкие, и я успел приложиться, с непривычки, лбом о притолоку. Вошедши, мужик перекрестился на образа в красном углу, я повторил, потому что был крещеным и носил крестик, хотя в церкви бывал изредка, а отчасти потому, что решил со своим уставом в чужой монастырь не ходить и приглядываться к окружающим.

– Вот, хозяйка, принимай гостя! Звать-то тебя как, милай?

– Юрий, Юрий Григорьевич.

– А меня Федор, по батюшке Кузьма. Ты не из раскольников? А то смотрю лицо у тебя голое, а на образа все же крестишься...

– Да нет, православный я, – вытянул из-за ворота крестик.

– Одежа у тебя тоже ненашенская, – хмыкнул мужик.

Я не нашел что ответить, хотя Федор, похоже, ответа очень-то и не ждал. Ну, одежда такая у человека, так ведь один в сапогах ходит, а другой – в лаптях, по достатку.

– Хозяйка, на стол собирай, проголодались мы!

Из-за печки вышла дородная загорелая женщина в платке и линиялом сарафане, неся чугунок, затем принесла хлеба, кувшин с квасом, огурцы, блюдо с творогом и сметаной. Перекрестившись, сели, и тут выяснилось, что у меня и ложки с собой нет.

– Да как же ты без ложки в дорогу-то? – подивился Федор.

– Потерял, – соврал я, не объяснять же ему про XXI век и все остальное. Мне такое бы сказали – не поверил, а уж ему-то.

В горшке оказалась гречневая каша, хозяин дал мне деревянную ложку, и мы лазили туда по очереди. Никогда не думал, что гречневая каша может быть такой вкусной, обычно в больничной столовой это было нечто сухое, не лезло в рот, да и бывшая жена готовила не лучше. Квасок оказался довольно прохладным, ядреным, щипавшим язык. «Из репы», – пояснила хозяйка. Насытившись, я отвалился на стену, чувствуя сытость в животе и нарастающую усталость.

– А вещи твои где? – спросил хозяин.

– Да в телеге сумка.

Я сходил во двор к телеге и принес свою сумку. Заодно решил переодеться в спортивный костюм, а свою одежду постирать. Но постирать мне не дали – хозяйка взяла мою одежду и бросила в корыто с водой, оба с удивлением смотрели на мой адидасовский бело-синий костюм, а хозяйка подошла и пощупала:

– Гладкий какой и скользкий, шелковый, что ли?

– Ага, – что мне еще можно было им ответить?!

Хозяин отвел меня на сеновал, кинул на душистое сено какую-то дерюжку, пожелал счастливо отдыхать и удалился. Я завалился на дерюжку, кое-как стянул с себя туфли и немедленно отрубился.

Глава 2

Проснулся от крика петуха, никогда ранее не пробуждался я таким образом, посмотрел на часы – времени четыре часа утра, спать бы да спать. Покрутился на своем ложе, да уснуть снова не смог, думки одолели.

И первейшая из них, как рассчитаться с хозяином за ночлег и еду – вчера я как-то обошел этот вопрос, хотя Федор недвусмысленно сказал об оплате за постой. Да и дальше как-то вопрос о еде и жилье решать надо. Так и крутился я, пока не услышал во дворе стуки да бряки, посветлело в щелях дощатого сеновала, пора и выбираться.

Я спустился по хлипкой лестнице, Федор уже ходил по двору, в бороде застряли мелкие соломинки, и рубаха была мокрой от пота. Наверное, управлялся с живностью. Мужичок кивнул на колодец, поди, мол, ополоснись. Вода оказалась, на удивление, холодной, чистой и вкусной, не то что из городского водопровода. Обмывшись по пояс и вдоволь напившись, я подошел к Федору и, поблагодарив за приют и ужин, виновато сказал:

– Федор, вот какое дело, денег у меня нету.

– Дык как это, вона рубаха и портки больших денег стоят, а за постой отдать не можешь. Ты по жизни чем кормишься-то?

– Врач я.

Федор глянул непонимающе.

– Лекарь, – уточнил я. Тоже мне, дубина, не мог сообразить, что и слова такого здесь, наверное, еще нет.

Лицо у Федора немного просветлело, затем опять нахмурилось:

– Плохой, что ли?

– Почему плохой? – обиделся я.

– Так ведь у хорошего завсегда деньги есть.

– Получилось так, – пробурчал я.

Стыдно было, хоть провались. Никому не покажешь свой диплом, да и не поймут ничего.

– О, слушай, лекарь, у соседки пацаненок ногу подвихнул, ты бы глянул.

И уже через плетень:

– Агафья, ты жива там? Как твой малой, с ногой как?

Из-за двери высунулась веснушчатая молодая, лет тридцати, с заплаканными глазами женщина.

– Да нет хорошего, лежит, нога опухла, не ступает.

– Вот человек, поглядеть может.

Я уже обратил внимание, что рост у местных был не больно – от силы сто шестьдесят сантиметров. С моими ста восьмьюдесятью роста и девяносто веса я выглядел здесь как швед среди китайцев. Внутри в доме было чистенько, однако бедновато, на полу лежали половички, сшитые из кусочков разноцветной материи, печка, с которой свисала седая голова деда, выскобленный стол и рядом широкая лавка, на которой лежал мальчуган лет десяти. Веснушчатое, как и у матери, лицо было покрыто капельками пота, под глазами легли синяки.

– Давеча с ребятами в лес ходил, да вот незадача, упал через валежину, обратно ребята на себе принесли. Лежит, нога распухла, синяя вся.

Я закатал штанину. Голеностопный сустав на правой ноге отек, посинел, даже пальчики были как сардельки. Мягко и осторожно я пропальпировал ногу, кажется, перелома нет, вывих только, да и не травматолог я, хотя придется вспоминать институтские знания. Жалко, книжек нет, в учебники заглянуть бы не помешало. Попросив хозяйку крепко держать парня за бедра, сильно, но не резко потянул за стопу, парень закричал, сустав щелкнул и встал на место. Я

повеселел, видно, и здесь мои знания пригодятся. Попросив у хозяйки полотна, туго обмотал сустав и дал указания несколько дней не вставать на ногу, а через пару дней попарить в баньке.

– Все сделаем, как скажешь, спасибо тебе, мил человек, звать-то тебя как?

Я представился.

– Давай с нами пообедаем, – предложила хозяйка.

Отказываться, естественно, я не стал. Вот и первый мой гонорар. После довольно скромного завтрака – хлеб, молоко, огурцы, пареная репа, причем соли на столе не было, – надо было решать, что делать дальше.

Оставаться в деревне – пациентов мало, народ в основном здоровый, никто, как в городе, с мелочовкой к врачу не побежит. Решено, иду в ближайший город. Зашел во двор к Федору, забрал свои постиранные хозяйкой вещи, сумку и подошел к Федору, поблагодарил и спросил дорогу в город.

– А ты что же, пеший собрался идти? По дороге и тати пошаливать могут, подожди, поспрошаю, можа, кто из мужиков в город собирается.

Вернулся Федор быстро и от ворот замахал призывно рукой:

– Поспешай, сейчас Семен в город тронется, я ему об тебе обсказал.

Я потрусил в указанном направлении и уже на выезде из деревни догнал сухонького мужичка, шедшего сбоку от телеги.

– Это про тебя Федор сказывал?

Я кивнул. Бросил сумку на телегу.

– Сядем позже, сейчас в гору придется, тяжело лошади.

В телеге лежало несколько бочонков и целая кipa высушенных коровьих шкур.

Мой немногословный возница как заведенный шел в гору, я же начал приотстаивать, видно, сказывалась плохая городская физическая форма. Да и то сказать: дом—машина—работа и наоборот. Загружать себя бегом или заниматься в фитнес-центре мне было недосуг, да и лень.

В обед остановились у обочины – попили квасу, съели по краюхе хлеба, сели на телегу, да и двинулись дальше. Я попытался разговорить попутчика:

– А кто сейчас на престоле?

От такого вопроса мужик аж крякнул:

– Да ты что, царь, Михаил Федорович Романов.

Тут уж я надолго примолк, пытался вспомнить историю, но что-то ничего на ум не приходило – Иван Грозный со взятием Казани, Петр I с битвой под Полтавой, Екатерина сразу вызывает определенные ассоциации, а вот Михаил Романов – нет.

То ли в школе и институте я плохо учил историю, то ли царствование этого Романова не славно великими деяниями, но не вспоминалось ничего.

К вечеру усталая лошадка и мы, оба пропыленные и проголодавшиеся, подъехали к городу, вернее, даже к его пригородам – посадам.

Маленькие домики стоят абы как, образуя кривоватые улицы и тупички, сизый дым низко слался над крышами, мычали коровы, блеяли овцы, раздавался перестук из кузниц, в общем, большая деревня, а не город, которого я жадно ожидал.

Я был просто разочарован. На въезде в посады спутник мой спросил:

– Тебе куды?

Идти было ровным счетом некуда, я поблагодарил мужичка, спрыгнул с подводы и, подхватив сумку, направился к городским стенам.

У ворот города стояли двое ратников, в кольчугах, опоясанные мечами, в шлемах, но без щитов. Ей-богу, как из музея. Интересы ко мне они не проявили, в основном рылись в телегах въезжающих крестьян, взимая с них мыто. По всей видимости, у стражей были сомнения в моей платежеспособности или товара для торга они не увидели. Деревянные стены крепости изнутри выглядели довольно мощно, поднимаясь на высоту трех-четырёхэтажного дома, по периметру шли крытые навесы, через метров семьдесят располагались башни. Сверху над стенами был навес, я было сначала подумал – от дождя, в дальнейшем оказалось от стрел.

В самой стене были проделаны бойницы для лучников, и кое-где – вот уж не ожидал – поблескивали медными боками пушки и тюфяки. Пушки стояли на лафетах с колесами, тюфяки лежали на деревянных колодах. Не зная, что делать дальше, я потоптался на узкой улице и, спросив дорогу, направился к постоялому двору. В животе уже урчало от голода, ноги налились свинцовой тяжестью. Вот и постоялый двор – ворота закрыты, калитка нараспашку. Навстречу выбежал подросток, вероятно половой, как здесь называют официантов:

– Позови хозяина.

– Будет исполнено.

Из дверей не спеша вышел красномордый пузатенький мужичок, лицо его лоснилось от пота, жилетка буквально трещала по швам, но передник был чистым:

– Чего изволите?

– Хозяин, переночевать бы мне, да денег нет. Может, работой какой оплачу.

– Иди с богом, надоели попрошайки, у церкви милостыню проси, – повернулся уходить. – Ладно иди к конюшне, на сене поспишь.

Не привык я к такому обращению, но делать нечего, в этом мире я никто и звать меня никак. Накидал в углу конюшни сено, бросил сумку и завалился спать. Сон, правда, был недолгим – часа два, проснулся от криков, ругани и шума драки. Поспал, называется, а в принципе чего можно было ожидать на постоялом

дворе, это как у нас в ресторане – ближе к вечеру напьются и обязательно драка, как без этого. Покрутился на сене. Вылез и узнал у пробегающего полового с ведром воды:

– Что случилось? Из-за чего сыр-бор?

– Да заезжие постояльцы драться начали, хозяин разнимать полез, его и порезали.

Ну что же, можно сходить, поглядеть. Хозяин лежал на широкой лавке, прижимая к окровавленному лицу полотенце. Я распорядился половому:

– Чистые тряпицы принеси и водки. – Парень сделал круглые глаза. – Ну самогону.

– Хлебное вино?

– Да.

Обеденная зала представляла собой поле битвы: лавки перевернуты, столы на боку, на полу валяются кости, куски мяса, каша, жареная половина курицы, кувшины из-под браги или вина с потекшими лужами, которые жадно лакал небольшой лохматый пес.

Рысцой сбегав к конюшне, я принес свою сумку. Возле хозяина начала собираться прислуга – повара и прочая челядь. Посетителей не было никого – вероятно, смылись под шумок, не заплатив.

Я попросил всех уйти, оставив расторопного полового, протер руки водкой – здесь она называлась хлебным вином. На левой скуле почти от виска и до подбородка тянулась резаная рана, нанесенная, видимо, чем-то острым, в глубине виднелась кость. Мужик охал и стонал, все пытаюсь прижимать полотенце к ране, дабы унять кровотечение. Вообще должен сказать, лицо кровоснабжается обильно, даже малейшие порезы довольно сильно кровят, но не бывает худа без добра – за счет этого же обильного кровоснабжения и заживают быстро.

Достав из сумки свой инструмент и попросив полового дать мне чистую миску, налил туда хлебного вина и бросил для стерилизации иголку, иглодержатель. Из протянутого кувшина снова ополоснул руки и начал шить рану. Половой по моей просьбе держал хозяину руки, который притих и лишь жалобно постанывал.

Наложив двенадцать швов, заклеил лейкопластырем, расходуя его бережно, памятуя о том, что пополнить запас уже неоткуда.

– Смотри, хозяин, обмывать лицо неделю нельзя, а потом я швы сниму.

Трактирщик медленно сел на лавку, прошепелявил благодарность. Понять было трудно, щека отекала, к природной краснорожести добавилась синева под глазами, видок был тот еще.

– Как звать тебя?

– Юрий, Григорьев сын.

– Вот что, Проша, постели хорошему человеку в комнате наверху да покушать дай чего.

На стол поставили кувшин с пивом, оловянную миску с кашей и блюдо с кусками жареного мяса. От запаха потекли слюни и закружилась голова. Уговаривать меня не пришлось, неизвестно, когда теперь снова удастся подхарчиться. Когда я доскреб ложкой остатки и запил пивом, хозяин, который внимательно наблюдал за мной здоровым правым глазом и заплывшим уже левым, молвил:

– Ты отколь будешь, Юрий, Григорьев сын? Смотрю – непрост ты, парень, – одежда непонятная, руки мастеровые, а денег нет.

– Лекарь я. Из... – тут я запнулся. Городка-то моего наверняка еще и нет.

– Ладно, не хочешь, не говори. Иди почивать, время уж позднее.

Пока я кушал, челядь навела в трапезной относительный порядок. В голове от выпитого пива слегка шумело. Хозяин окликнул Прошку, наказал проводить меня в комнату. Шустрый паренек подхватил мою сумку, второй рукой бережно

подхватил под локоток, и по скрипучей лестнице мы поднялись на второй этаж. В комнатке, небольшой и почти квадратной, стояла широкая кровать, сундук и стул. Все деревянное, сделанное без изысков, но не грубо. Небольшое оконце было затянуто бычьим пузырем на свинцовой рамке.

Едва разувшись, сняв только футболку, я рухнул на кровать. Матрас был тоже набит сеном, но закрыт чистой простыней, а подушка оказалась пуховой. Сон был сладок, давненько так не отдыхал.

Проснулся от запахов кухни, веселых голосов внизу в трапезной, во дворе кто-то колот дрова. Вчерашнее пиво настойчиво просилось наружу и, надев футболку, я спустился вниз. Хозяин был уже на ногах, стоял за стойкой. Щека затекла еще больше, отчего лицо стало асимметричным, но глазки поблескивали весело.

– Как поживаешь, лекарь?

– Спасибо, хорошо. А скажи, любезный, нужник где?

– Проща, проводи гостя!

Во дворе у конюшни топтались два крестьянина у лошади с телегой, в углу, ближе к огромной поленнице, один мужичок рубил головы курам, а мальчишка рядом с ним тут же окунал их в чан с кипящей водой и ощипывал. Работа на постоялом дворе шла как на конвейере.

Вернувшись, ополоснул руки и лицо в деревянном рукомойнике.

– Садись, откушай чего, – ласково прошепелявил хозяин, белая наклейка лейкопластыря резко выделялась на его красной физиономии. Похоже, некоторая кровопотеря его нисколько не ослабила.

– Как величать мне вас?

– Да как все, Игнат Лукич.

– Чем мне расплатиться с вами? Я уже говорил, денег у меня нет.

Хозяин ухмыльнулся кривовато:

– Дык, ты уже расплатился, паря. А почто лицо у тебя голое, шапки нету, одежда не нашенская, путешествуешь откуда?

Пришлось на ходу сочинить легенду – иду, мол, из дальних краев, из франков, был там в учении, да вот по дороге ограбили, хорошо, самого не тронули да кое-какой инструмент сохранился.

Тем временем холоп принес каши с большими кусками вареной курицы, хлеб, пиво в кувшине и куски жареной рыбы. Готовили на здешней кухне совсем неплохо, все с травяными приправами, сначала непривычно, а потом мне начало нравиться. Пока я насыщался, хозяин что-то обдумывал, да и выдал.

– Пока не заживет, поживешь у меня, постолуйся, а желание есть – болящих попользуй, все прибыток будет, хоть одежду сменишь.

Вот далась им моя одежда.

– А где ж я болящих возьму?

– Это уже моя забота! У меня на торгу лавка есть, pošлю мальчишку он и обскажет. На торгу-то, наверное, и травники есть, где болящие снадобья да травы покупают, может, с ними и поговоришь?

– Попробуем. А сейчас я город поглядеть хотел бы.

– А что его глядеть – город, он и есть город, домишки да улочки. Ты лучше на торг сходи.

Игнат Лукич дал мне в сопровождающие сопливого мальчонку лет десяти, и мы отправились смотреть город. Город стоял на реке, на высоком берегу, под кручей был причал, где у деревенских мостков стояли разновеликие суда – от ушлых лодочек до парусных шхун размером с прогулочные катера, на которых возили на морские прогулки беззаботных отдыхающих в мое время.

Жизнь у причалов кипела – грузчики катали бочки, таскали тюки и мешки, кипы кож и тканей, вели связанных людей.

– Рабы али наложники, – со знающим видом, ковыряя в носу, сказал мальчишка.

Меня это поразило, конечно, я знал, что и в моем мире захватывают в рабство – в Чечне или Афгане, но это было где-то на краешке сознания, а здесь пришлось столкнуться с этим воочию. Не хотел бы я такой участи. В несколько подавленном состоянии мы отправились дальше. Улицы города и в самом деле оказались узковаты, местами кривоваты, ни о каком твердом покрытии – брусчатке, булыжнике или дощатом настиле – и речи не шло. Экологически чистый транспорт – лошади – на улицах оставляли зримые и весомые следы своего существования, все это перемешивалось копытами и ногами с грязью, подсушивалось солнцем и в виде желтой пыли висело смердящим облаком. Запах, кстати, вообще был везде – пахли люди, воняло на улицах. Только когда ветер приносил с полей свежий воздух, дышалось легко.

На одной из площадей, на пересечении нескольких улиц, был торг. Рядами стояли бревенчатые лавки, у открытых дверей зазывали посмотреть товар торговцы, меж рядами бегали с заплечными мешками торговцы квасом и калачами, степенно стояли в углу торгового двора продавцы живности – лошадей, коров, овец. Все это говорило, мычало, блеяло, кукарекало – шум на торгу был изрядным. Многие были одеты ярко – голубые штаны и красные рубахи, синие сарафаны и желтые платки, зеленые плащи и под ними расшитые белые рубахи и почти необъятные, как у запорожских казаков, вишневые шаровары. Почти у всех мужиков на поясах висели ножи, ножики, сабли. Рубашки чуть выше колена, и самое удивительное – обувь: у всех мужчин, женщин, детей она была на одну ногу, то есть ни левой, ни правой, а средней. Любую туфлю или сапожок можно было обувать на любую ногу. Однако!

У навеса, с которого торговал кузнец, лежали щиты, мечи, сабли, стояли колья, грудой лежали наконечники стрел, замки и прочие железные предметы. Да, сюда бы милиционера! Вот бы привязался за продажу холодного оружия, да и весь остальной мужской люд привлёк бы за ношение оногo.

Медленно обошел я торг – было интересно, что продают, что может мне пригодиться, как одеваются люди и, самое главное, где травники. Одного, вернее, одну бабушку преклонного возраста я нашел. По всей видимости, с возрастом здесь склерозом не страдали, бабка была остра и языком, и головою.

Приняв меня за покупателя, она показывала травы, нахваливая их чудодейственные силы, я же старался запомнить названия.

После я объяснил бабушке, что покупать не буду, что я лекарь, нахожусь на постоялом дворе и был бы не прочь попрактиковать болящих, а бабушка продавала бы им свои травки. Ага, клюнула, спросила адрес. Я объяснил – оказалось, к ней уже подходил холоп от Игната Лукича. Расстались мы довольные друг другом. На постоялый двор я и мальчонка пришли уже сильно пополудни, проголодавшиеся и пропыленные. На стук входной двери вскинулся с табуретки хозяин:

– И где вас носит? Ужо люди ждут. Проща, давай пообедать быстро.

На обед была уха с маленькими пескарями, запеченная куриная полть, пареная репа и кувшин холодного кваса, хлеб был свежевыпечен, сам просился в рот.

После недолгого, по местным меркам, обеда я поинтересовался у хозяина:

– А больные-то где?

– Да где ж им ужо быть, наверху, Юрий Григорьевич, они тебя ждут.

В самом деле, в коридоре, у дверей моей комнаты толпилось с десятков человек крестьян. Это живо мне напомнило картину поликлиники, еще не хватало талонов на прием и извечного «Вы здесь не стояли, я очередь занимала за этим дядечкой в шляпе».

Ну что ж, начнем, пожалуй. Первым заскочил тощенький мужчинка с котомкой за плечами:

– Животом маюсь, господин. Чем ни займусь – в нужник тянет.

Пропальпировал живот, назначил отвар коры крушины и древесный уголь. Мужчина, на удивление, выложил на сундук пяток яичек и был таков.

Следующей зашла молодка с лихорадочным румянцем на щеках:

– Родила недавно я, да лихоманка приключилась, грудь как каменная и болит.

После осмотра стало понятно – острый мастит. Я промыл в хлебном вине скальпель, ополоснул им же руки и попросил молодку:

– Сейчас будет немножко больно – потерпи.

Одним движением вскрыл гнойник, оттуда хлынул гной. Молодка взревела дурным голосом, конечно, даже новокаина у меня не было.

По коридору слышался удаляющийся топот, по всей видимости, очередь испугалась и решила вылечиться сама. Оставив рану открытой (эх, жаль, что нет даже резиновой трубки – дренаж поставить), я подбинтовал рану, велел прийти завтра. Молодка ушла, я выглянул в коридор – там осталась только одна женщина. Сложного здесь не было, дал несколько советов. Похоже, сегодня прием окончен. Интересно получается – все случаи здесь это травматология – хирургическая практика. При размышлении стало объяснимо – знахари, травники с терапевтическими заболеваниями кое-как, в меру своих знаний и разума справляются, а вот оперировать? Я и сам был в затруднении – наркоза нет, о стерилизации инструментов слыхом никто не слыхивал, инструментов остро не хватает. Как же Русь-матушка лечилась?

Я попросил у Игната Лукича несколько плошек побольше, кувшин хлебного вина, замочил в нем для очистки свои инструменты.

Щека у хозяина спала, глаз почти открылся, и, хотя разговор был пока шепеляв, Игнат Лукич не унывал. Глянув на сундук, на котором лежали яички и курица, спросил: «Ты куды девать все собираешься?» Вопрос меня огорошил. Съесть все это сразу я не мог, холодильников здесь нет.

– Давай я заберу, пока не пропало, дам тебе две деньги.

Я согласился, хотя о ценах представления не имел. Так потихоньку начал налаживать свой быт. Крыша над головой, хоть и не своя, имелась, не голодный, ближайшая перспектива есть, ну и ладно.

Прошла неделя, пожитков прибавлялось, начала сказываться нехватка инструментов, да и комнатка для приемов оказалась маловата. Всю натуроплату: курами, яйцами, медом, сметаной, грибами, ягодами – забирал трактирщик, расплачивался со мной добросовестно. В конце недели я снял швы с раны на лице Игната Лукича.

Рубец получился аккуратным, розовеньким, он почти сливался с красными щеками страдальца. Я оглядел свою работу и остался доволен, ну не хуже, чем в своей больнице.

Игнат Лукич достал из кармана зеркальце и оглядел лицо, судя по тому, что радостно заулыбался, работой остался доволен.

– Молодец, хорошо поработал!

Я понял, что вопрос дармового жилья и еды встает передо мной в полный рост.

– Давай-ка, паря, подумаем, как нам быть. Комнату занимать мне невыгодно. Людишки в коридоре толкаются, мешают. Опять же, денег ты маленько уже поднабрал.

– Что делать, подскажи, ты же местный.

Лукич присел на лавку, долго хмыкал, чесал затылок, со стороны было видно, что идет мозговая работа.

– Два выхода есть: или комнату у кого в доме снять, или...

– Что замолчал?

– А ты надолго к нам?

Я пожал плечами – идти мне некуда и жить негде, родственники будущие наверняка где-то есть, иначе как бы я появился в будущем – да только где и как мне их искать? Я представил на секунду, что будет, если я бы их нашел, – здравствуйте, я ваш прапра... внук? Хорошо, если сразу башку не скрутят.

– Ты, похоже, человек серьезный, – молвил трактирщик. – Если надолго к нам, можно в углу двора маленький домик поставить об одной комнате.

– Почему об одной, две хотя бы, в одной принимать, в другой ожидать, пока построим – осень будет, где людям находиться?

– А и верно – не подумал.

Мы хлопнули по рукам. И снова все потянулось по-прежнему – с утра прием пациентов, обед, опять прием. По мере работы количество пациентов росло – если раньше приходили с торгового, то сейчас шли из города и окружающих деревень специально.

Где-то через месяц, утром, я проснулся от перестука топоров, громкого крепкого мужицкого словца. Выглянув в окно, увидел артель плотников, ставящих в углу двора, справа от ворот, сруб. Да никак мне домик – можно сказать, амбулаторию ставят? Я быстро выскочил во двор – мужики с прибаутками, дружно ставили бревенчатые венцы. Ко мне подошел артельщик:

– Ты, что ли, жить здесь будешь? Игнат Лукич сказывал.

Мы определились, где будут двери и окна, и я радостно побежал умываться и завтракать.

Однако радость моя была преждевременной. Игнат Лукич сказал, что доски для пола придется ждать долго, ден шестьдесят.

– Как? – удивился я.

– А ты что думал, видел хоть раз, как доски делают?

– Нет, – признался я.

Не рассказывать же ему, что в моем времени доски из бревна получаются за пять минут. Во мне проснулся интерес – что за лесопилка здесь?

– А хошь, завтра со мной поедем, я в Ашихмино собирался, у меня там артель своя, бревна, вестимо, оттуда, и доски там делать будут.

На следующее утро Игнату Лукичу запрягли с утра нечто вроде пролетки – на двух седаков. Я пристроился рядом с хозяином, мы тронулись.

Трясло изрядно, местные-то привыкшие, но мне, после «жигулей», такая езда показалась пыткой. Поистине – и морковка сладкая для тех, кто сахара не ел.

Ехали недолго, по местным меркам, конечно, часа два. На берегу Оки располагалась небольшая деревушка – домов на двадцать. Ближе к воде высилась груда бревен.

По всей видимости, их сплавляли с верховьев плотами. Дюжина крепких мужиков обрабатывала лес. Палками с железными крючками на конце бревно затаскивали на подобие железного козла, споро, топорами, вбивали по всей длине железные клинья, и бревно раскалывалось вдоль. С половинами процедуру повторяли, затем топором заготовки досок обтесывались и получались почти доски. Затем два мужика брали нечто вроде здорового скребка и таким громадным рубанком выравнивали поверхность, причем только с одной стороны.

– А почему только с одной стороны? – спросил я.

– Так трудов много, а как ни положи, видна только одна сторона – хоть на полу, хоть на стене.

Разумно, вообще-то. Топором мастера владели мастерски: им и рубили, и тесали, и использовали вместо молотка. Делали топором грубую и тонкую работу – причем одинаково хорошо. И топоры для разных работ были разные – большие и маленькие, но все – наточены как бритва. В умелых руках и при необходимости они и оружием могли служить тоже убойным. Удара топора ни одна кольчуга или кираса не выдержит. Я поинтересовался.

– А пилы у вас есть?

– Есть, а как же, и лучковые, и двуручные, только топором быстрее получается, и устает меньше.

В голове начали шевелиться мысли о лесопилке с приводом от воды. А что – двуручные пилы у них есть, если собрать несколько в пакет, поставить водяное колесо... Я подозвал Игната Лукича и артельного, стал объяснять свою задумку – вбить недалеко от берега сваю или несколько, сделать колесо с лопастями, вал привода, поставить пакетом для начала несколько двуручных пил, причем от толщины прокладок между пилами будет изменяться толщина изготавливаемых досок. Долго пришлось растолковывать, что-то додумывая на ходу, импровизируя, выкручивался как мог – многих материалов и инструментов не было, да и появятся они не скоро. Артельный долго чесал в затылке, что-то рисовал прутиком на песке. Игнат Лукич сказал, поразмыслив.

– Так ведь сколько ден потеряем, пока соберем эту штуку.

– Вот, мил человек, после того как запустишь в работу пилу, все сразу и окупишь, в день по сорок-пятьдесят досок делать будешь.

У него отпала челюсть, потом он начал шевелить губами.

– Бревна стоят недорого, а вот каждая доска денег стоит, только богатые доски покупают. Если и правда будет как ты говоришь – озолочусь!

– Ты не говори гоп, пока не перепрыгнешь – еще ничего не сделал, а как заработает приспособа – про меня не забудь!

– Что ты, что ты, я не тать какой-нибудь, совесть имею.

Обратно ехали молча. Трактирщик был задумчив, вздыхал, морщил лоб и шевелил губами. На въезде в город я прервал молчание.

– А кузнец хороший у вас есть?

– А как не быть в городе кузнецу. Да их несколько, а что?

– Давай заедем ненадолго, хочу попробовать одну задумку.

По мере житья здесь хотелось что-то улучшить в своей жизни, сделать ее комфортнее.

Кузнецом оказался степенный мужик с окладистой бородой, с обнаженным мускулистым торсом, с надетым кожаным передником. Руки почти такие, как у меня ноги. Я начал объяснять, что такое рессоры, как их поставить на тележную ось. Жизнь в СССР, а затем и в России научила ремонтировать свою машину самим. Это в последние годы поразвелось автосервисов, а в Брежневско-Андроповско-Горбачевскую эпоху почти все приходилось делать самим.

Я до сих пор вспоминаю свою первую машину – красный «москвич» ижевского производства. Ломался, конечно, часто, но по мелочи, был вынослив и по большому счету в дальних поездках не подводил.

Опять же прутиком на земле я, как мог, объяснил, чего хочу. Кузнец заявил:

– Видел я однажды карету иноземную с такой диковиной, да рассмотреть не удалось, ко мне приезжали лошади подкову менять, да спешили больно, сразу и уехали, а тута вона оно как.

Я уговорил Игната Лукича оставить во дворе у кузнеца нашу повозку, мы выпрягли коня и в поводу, пеши, тронулись к себе.

– Что-то непростой ты парень, – хитро ухмыльнулся трактирщик. – Вона, какие диковинки ведаешь. Видать, побросало тебя по свету, всего повидал, у иноземцев много чего странного бывает. И внимательный ты – другой бы мимо прошел. А будет толк с твоих диковинок или, може, зря деньги я выкину?

– А вот через три дня и увидим.

Три дня для меня пролетели как всегда – больные, сон, еда. Довольно скучновато – книг, до которых я был большой любитель, нет, телевизора – новости хотя бы посмотреть – нет, кино и дискотек нет. Даже как с женщиной амуры завести, я не знал. С замужней – по голове получить можно, а то и живота лишиться, с девицей – а вдруг жениться обяжут, с гулящими девками, были здесь такие, – так я и в своем времени ими брезговал. А природа брала свое, я все чаще поглядывал на женские личики, на стройные станы и высокие груди.

Месяц уже прошел, как меня сюда занесло, и я не старик.

Через три дня хозяин с холопом, ведущим в поводу лошадку, и я направились к кузнецу. Холоп взялся запрягать лошадь в возок, я кинулся осматривать рессоры. Сделано было, конечно, грубовато, но для первого раза просто замечательно.

Хозяин постоянного двора и трактира долго торговался с кузнецом, тот стоял на своем – работа уж больно мудреная. Но вот они хлопнули по рукам, зазвенело серебро, и мы наконец выехали из ворот.

Возок шел мягко, покачиваясь на рессорах, только колеса погромыхивали. Резиновые покрышки бы сюда, да только это уже точно из области фантастики. Возок шел ходко, сидеть было легко, и Игнат Лукич заметно повеселел.

– Хорошая диковина, однако. Надо нашим купцам и господам похвастаться.

До деревеньки с лесопильной артелью на этот раз доехали быстрее и с большим комфортом. Моя пятая точка разницу между прошлой и нынешней поездкой ощутила. Еще подъезжая к лесопилке, мы увидели толпу мужиков – артельщиков и крестьян из деревни, толпящихся у лесопильного станка, если его так можно было назвать. Двое рабочих толстыми палками подталкивали бревно по желобу, а сверху двигался пакет из скрепленных между собой двуручных пил, только без ручек. Сыпались свежие опилки, остро пахло деревом. Оказалось, это уже второе бревно, недалеко от станка лежали доски с первого бревна. Не сказать, что ровные, но первый блин известно, комом. Бревно, скорее всего, несколько ерзало по желобу, когда его подталкивали рабочие. На наших глазах рабочие распилили бревно. Эти доски уже были ровнее. Артельщик и Игнат Лукич стали ощупывать доски, цокали языками. Изделие, судя по всему, им понравилось. Я приблизился:

– Ну как?

– Неплохо!

Артельщик и Игнат Лукич смотрели на меня с нескрываемым уважением. Я решил несколько усовершенствовать станок:

– Вы поставьте желоб под наклоном, тогда подталкивать бревно станет легче и с этим справится один человек, а не два, как сейчас.

– Молодец, Юрий Григорьевич! Большой с тебя прок, видно, Господь тебя ко мне послал, да я сразу-то не понял.

Радостно похлопывал меня по плечу, потирал руки, улыбался, довольно кричал. Сразу видно – радостно у человека на душе.

– Не знаю, как тебя и благодарить, всех конкурентов теперь задавлю.

Обратно возвращались откушавшие в деревне, сытые и довольные, в мягком возке. Вокруг расстилались возделанные поля, перемежаемые перелесками. На небе ни тучки, солнышко ясно светит, птицы поют, воздух свежий, живи да радуйся. Мы уж въезжали в город, когда Игнат Лукич повернул не к дому, а в сторону торгова.

– Отдарить хочу за диковины твои, ясно – лесопилка хорошие деньги принесет. Да, может, ты еще чего ведаешь, повидал, поди, в заморских странах, так давай поделись, мы не хуже сделать можем.

Подъехав к торгу, привязали лошадь к коновязи, трактирщик бросил полушку мальчишке, что вертелся у привязи, – «посмотри».

– Одеть хочу тебя как уважаемого человека, твоя одежда странна зело, а здесь по одежке встречают.

Игната Лукича на торгу знали, с ним степенно раскланивались купцы и заискивали приказчики. Знали, видать, торговую хватку и зажиточность его. Мы сразу направились к определенной лавке, где мой благодетель степенно стал обниматься с торговцем:

– Вот, надо одеть хорошего человека.

Из подсобки выскочил юркий приказчик, посмотрел на меня, прикидывая размер.

– Какую рубаху брать будете?

– А нам несколько надо, неси все!

Мне подобрали яркую, атласную, довольно длинную рубашку синего света – парадную, можно сказать, и две рубашки попроще – льняную белую и коричневую кутурлиновую. К рубашкам подобрали пару брюк, если это можно назвать брюками – карманов нет, гульфика нет, покрой странный. Расплатился Игнат Лукич, и мы двинулись дальше – у сапожника заказали две пары сапог, за которыми велели прийти через три дня. У кожевенника купили хороший поясной ремень. Подошли к оружейнику – Игнат Лукич выбирал сам – выбрал мне маленький поясной ножик в чехле и здоровенный тесак. Когда я поинтересовался – зачем, сказал:

– А как ты без маленького ножа кушать будешь? Ну, птицу али мясо порезать?

У лавки ювелира хозяин начал присматривать серебряную ложку:

– Не дело тебе деревянными кушать, это дело простолюдинов, а ты человек не простой, только одет странно, да беден почему-то. Хватки торговой у тебя нет, видно. С твоими знаниями я бы уже купцом изрядным был, людей с ладьей нанял, по всей Руси али дальше торговал.

Ювелиром оказался чернявый с характерным носом человек, после того как он заговорил – сомнения отпали.

– Откуда будешь?

– Армения! Слышал, что ли, страну такую?

Господи, помилуй меня, и здесь они торгуют. Поистине – вездесущее племя. И никто не валит деревья, не пашет землю, не состоит у князя в дружине.

К возку подошли втроем – мальчишка, выделенный продавцом, пыхтя, тащил за нами тюк с покупками:

– Ну, иди, надевай обнову, покрасуйся!

Я прикинул на себя атласную рубаху, натянул штаны, подпоясался поясом, прицепил ножик. На голове красовалась шапочка типа большой ермолки, на ногах вот только были мои же туфли.

– Ну вот, другое дело, – довольно потирал руками Игнат Лукич. – Сразу видно – не голодранец, а уважаемый человек.

– Спасибо тебе, Игнат Лукич, много ты на меня потратил, заслужил ли?

– Что ты, – замахал он руками. – Ты с досками вот как мне удружил, а возок-то как хорош, сам уж оценил.

Я успокоился.

– Напомнил бы ты мне, Игнат Лукич, про деньги наши, какой счет.

– Да ты что, мил человек, не знаешь разве?

– Да я только из дальних стран, подзабыл маленько.

Подивившись, трактирщик начал мне пояснять по-новому на Руси рубли, в одной Новгородской гривне – три рубля, в одном рубле – сто новгородских. Еще есть московки, эти на две новгородки потянут, еще есть полушки в четверть копейки, алтын – три копейки, есть серебряная гривна киевская – поменьше, и новгородская лодочкой – та поболее будет. На торгу и иноземных монет много: арабские дирхемы – куны по-нашему, полдирхема – резан. Сто резанов равны большой киевской гривне. Самые хорошие деньги – или златник, или золотой мискаль. Он перечислял и далее – нагаты, чешуйки и т. д.

На сколько какие деньги можно обменять. С непривычки я совсем запутался.

– Ты мне скажи, Игнат Лукич, а чего сколько стоит.

Хозяин посмотрел на меня как на больного.

– Ну, скажем, корова стоит 26 алтын и 3–4 деньги, на рубль купишь около двух пудов мяса али рыбы, три пуда соли али три пуда ржаной муки. Самое дорогое

на торгу – железные изделия – гвозди, скобы, подковы, серпы, оружие всякое. За хороший меч можно деревню взять со всеми холопами.

Да, ну и расценочки у них тут. И запомнить с ходу курс денег друг к другу тяжело. С математикой у меня всегда было неважно.

Через три дня я пошел к сапожнику за обещанными сапогами.

Одна пара – коротенькие, чуть выше щиколотки, из мягкой красной кожи с низким каблучком. Обувши – нога как в носках, нигде не жмет. Вторая пара были черные, из более грубой кожи, с толстой подошвой, про такую говорят – им сто лет сносу не будет. Сапожник ходил вокруг меня и приговаривал – по уму сделано, на совесть, нигде ни одна нитка не порвется, ежели салом али дегтем мазать будешь, и промокать в дождь не будут. Носи на здоровье, мил человек. Сапоги, как и у всех здесь, были на одну ногу – ни левый, ни правый – какой обул, тот и носи. С непривычки легкий дискомфорт, если не сказать неудобство, доставляли портянки. Про носки в этом мире никто и слыхом не слыхивал, кроме теплых шерстяных, так это для зимы.

Наконец-то, одевшись по местной моде, я стал неотличим от аборигенов. Уже загорелое, отросшее мягкой бородой лицо, атласная рубаша, черные портки, алые сапоги и пояс с ножом делали меня своим. Разговорная речь постепенно утрачивала интеллигентность XXI века, появились новые для меня слова и понятия. Я становился своим.

Глава 3

Проснулся я в темноте, казалось, только сейчас голову приклонил к подушке, от шума, криков челяди и странного звука – набат, понял я, случилось что-то.

Быстро оделся и выскочил из своей комнаты. Игнат Лукич стоял внизу, в трапезной, вокруг несколько холопов.

– Что стряслось-то?

– Не знаю пока, вот послал одного холопа, прибегнуть должен, вскорости узнаем.

В калитку забежал соседский мужичок, Анисим, я его уже знал, мы здоровались, встречаясь.

– Басурманы! Татарва проклятая под стенами, говорят, много их. В темноте тихо подошли.

– Вот бесово отродье, все неймется им, беда, что боярина нашего в городе нет, а с ним и часть дружины в Рязань ушла, к князю. Ладно, стены крепкие, ратники есть, не впервой, должны отбиться. Это не литовцы али поляки – те, если придут, город окружат, стоять будут долго, измором брать. А татарва налетит, похватает что может, людишек наших в полон возьмет – и быстро убегает, пока по шее не надавали, как тати. Нету у них теперь силы, как ранее, как деды говорили.

Было интересно и страшновато. Страшновато, потому как не воин, здешним оружием не владею, так, ходил на охоту, постреливал из ружьишка, так здесь луки, копья, мечи, и владеть ими на профессиональном уровне за неделю или месяц не научишься. В конце концов меня учили лечить, а не убивать людей. Сообразив, что где битва, там и раненые, попросил Игната Лукича дать мне холопа в помощь и в провожатые и побольше чистых холстин для перевязок. Завернул инструменты в чистую тряпочку, поставил склянку с хлебным вином в сумку и направился в центр. На торговой площади было многолюдно. В основном стояли мужчины разного возраста, но были и женщины с тревожными лицами, одеты небрежно, видно, в спешке, бегала детвора постарше.

Распоряжался, стоя на лавке, крепкий широкоплечий мужчина в кольчуге, в шлеме, с мечом у пояса. «Воевода боярский это, за место боярина остался, – проговорил мой сосед, судя по одежде – из торговых, – Олег Фролович звать».

– Ратников в городе маловато осталось, – громким голосом вещал воевода, – однако если возьмемся всем миром бить проклятых басурман, я думаю, продержимся, пока наши с Рязани подойдут, гонца я уже послал.

В толпе раздались крики:

– Командуй, воевода!

– Одолеем супостата! Кожевенная слобода – на полуночь, там помогать будете, кузнецы со своей зброей – к воротам, там, я думаю, главный удар будет, остальным – подойти к десятникам – по стенам распределитесь. Кто хорошо луком владеет – на башни. Женщинам и отрокам – костры жечь, воду и смолу варить.

Толпа, возбужденно голая, начала рассасываться, целенаправленными ручейками всасываясь в улицы, окружающие торговую площадь. Я подошел к воеводе:

– Я лекарь, мне куда?

– Ближе к воротам ступай, основная сеча, коли татары прорвутся, там будет.

В темноте, ориентируясь на свет редких факелов на стенах крепости и лучины в окнах домов, мы с холопом Прошкой пошли к воротам.

С внутренней стороны ворот было довольно многолюдно – таскали бревна, куски заборов – возводили на некотором расстоянии от ворот нечто вроде баррикады. «Знамо дело, – услышал я разговор двух ратников, – татарин, он на коне силен, да когда их много, кони прорвутся, а тут засека, на конях не перепрыгнешь, а лучники наши не хуже татарских будут». Я огляделся по сторонам. Судя по тому, что ратники и ополченцы подходили к воину в кольчуге, с болтавшимся у пояса шлемом, главным был он. Я подошел:

– Олег Фролович велел недалеко от ворот быть, лекарь я.

– Звать тебя как?

– Юрий Григорьевич.

Десятник окликнул одного из воинов.

– Лекаря проводи вон в ту избу, раненых, если будут, туда носить будете, пару женщин, кто крови не боится, в помощь ему дай.

В доме, куда провел нас воин, была только одна хозяйка, хотя дом был большой, семья, видно, тоже была немаленькая.

– Все ушли от супостата бороться, да вы проходите, садитесь. Что от меня нужно?

– Воды согрей побольше во всех горшках, лучин для света, да покажи, где они, – холопы помогут, куда раненых носить?

С Прошкой мы выдвинули стол на середину комнаты, подготовив нечто подобное операционно-перевязочной. Подготовка шла полным ходом, когда привели первого раненого. Татарская стрела с широким наконечником почти перебила воину левую руку чуть ниже локтя. Убрав окровавленную тряпицу, что прижимал воин к ране, я уложил его на стол, обильно полив рану и свои руки хлебным вином, остановил кровотечение, прошив и перевязав сосуды, сопоставив обломки костей, зашил рану и наложил палочки для фиксации костей. Жалко, гипса не было.

И пошло-поехало. Высокие стены не давали возможности татарам стрелять прицельно, сильно рисковали только воины на стенах и башнях, но проклятые басурмане засыпали стрелами территорию города. Сотнями, если не тысячами, шелестящая и невидимая в темноте смерть сыпалась с ночного неба. Тем, кто находился без укрытия – вне домов или другой защиты, приходилось туго. Люди это поняли и без необходимости не высывались на открытое пространство. Зажигательных стрел татары пока не применяли – если город сгорит, что с него можно взять – ни утвари, ни ценностей, да и будущие полоняники могли погибнуть, сгорев в пламени или задохнувшись в дыму. Крики от стены и со стороны ворот усилились, видно, татары пошли на приступ. От ворот раздавались гулкие, тяжелые удары – как я догадался, вероятно, тараном пытались сокрушить ворота. Грянули несколько пушечных выстрелов, завизжали за воротами татары, восторженно взревели воины на стенах. Очередная попытка была отбита.

Тоненьким ручейком потянулись ко двору, превратившемуся в лазарет, раненые и увечные. Я наказал расторопным холопам.

– Заносить ко мне в комнату в первую очередь тех, кто сильно кровит.

В большинстве войн, автодорожных катастроф и других катаклизмов люди погибают от кровотечений и несвоевременного оказания медицинской помощи. Это я хорошо усвоил еще в институте, на кафедре военно-полевой хирургии. Стол уже был скользкий от крови, лучины чадили, в комнате стоял тяжелый дух страданий, стонов раненых.

Я попросил хозяйку позвать женщин из соседних домов – помыть стол и пол, поскользнуться можно было запросто, помогать раненым – кого поить, кому повязку поправить. Прощу послал на постоялый двор за хлебным вином. Вскоре он появился вдвоем с Игнатом Лукичом, внеся здоровенный, литров на тридцать, кувшин в комнату. Оказалось, Игнат Лукич организовал у себя в трактире при постоялом дворе пищевое довольствие ратников – массово рубили кур, жарили их кусками, пекли лепешки, наводили сладкое сыто, и холопы относили еду обороняющимся.

– Ну, как ты тут, доктор?

– Держимся, отбили несколько атак татар, да вот видишь, раненых много, почти весь двор занят, а ну татарва стрелы снова пускать начнет.

– Ништо, сейчас займемся!

Через какое-то время я услышал перестук конный и тележный скрип. Игнат Лукич с несколькими незнакомыми мужиками подогнали телеги, застеленные сеном, и вывезли на постоялый двор около полутора десятков раненых. Должен сказать, сильно тяжелых раненых не было – то ли умирали от тяжелых ран сразу, то ли не было еще открытого, прямого столкновения – когда рубятся саблями и мечами, копьями и алебардами.

Наконец обработал последнего раненого. Наступило временное затишье. Я поспешил отмыться от крови, ибо выглядел хуже и страшней мясника на бойне, в крови почти весь, даже лицо. Зашедшая в комнату хозяйка даже шарахнулась от меня с перепугу.

Эх, закурить бы сейчас! Давно уж бросил, да что-то сильно потянуло. Я присел на крыльцо. Голова гудела, устали кисти рук, ныла поясница. Столько увечий сразу я еще не видел.

За спиной неслышно возникла хозяйка дома:

– Вот, хлебни, лекарь, – протянула мне корец с горячим сбитнем.

Очень кстати. Я с наслаждением осушил корец, поблагодарил женщину.

Ко двору подходили женщины, вероятно, высматривая среди раненых своих мужей, братьев, родичей. Кого-то уводили со двора под руки, кого-то, причитая, увозили на телеге.

Небо на востоке начало сереть. Ночь пролетела быстро. Установилась тишина. Татары притихли, очевидно, готовили еще какую то пакость. Пока все было тихо, я пошел домой, если называть постоянный двор моим домом. Хотелось помыться, надеть чистое и покушать. Игнат Лукич, увидев меня, засуетился:

– Сейчас, сейчас, покормим ужо.

– И ополоснуться бы!

– Да мы уж водицы нагрели.

Я поднялся к себе в комнату, достал чистую рубашку и брюки, присел на кровать на минуточку, да и отрубился.

Очнулся оттого, что меня трясли за плечо, это был Игнат Лукич.

– Сумлел, любезный? Ништо, сейчас помоешься, будешь как новенький. Ну-ка, холопы, помогите!

С двух сторон меня подхватили под локотки два дюжих парня и поволокли вниз. Я отбивался, не больной и не увечный ведь. В предбаннике холопы быстро меня раздели и уже в бане затащили на полку, плеснув кваса на горячие камни, начали сначала мягко, а затем все сильнее и сильнее охаживать меня веником. С непривычки это было больновато. Сильно потая, я терпел, пока меня обливали горячей водой, переворачивали, снова охаживали веником, терли мочалом с золой, снова обмывали.

Кожа, казалось, от чистоты стала поскрипывать.

– Хватит, хватит, – взмолился я.

Надев чистую рубашку и портки, выпив поднесенный ковш с холодным квасом, я почувствовал себя заново родившимся и ощутил зверский аппетит.

На столе в трапезной уже стояли дымящие паром щи, лежал нарезанный крупными ломтями хлеб, жареная убоина, стоял жбан с пивом. В трапезной было многолюдно, пришли перекусить ратники, ополченцы. Гомон стоял такой, что разобрать разговор даже близкого собеседника было непросто. Я с жадностью утолил голод, хотелось отдохнуть. Однако отдохнуть не удалось. На постоянный двор заскочил взъерошенный мальчишка:

– Опять татары на приступ пошли!

Вмиг трапезная опустела – кто на стены, кто к воротам, а я снова в дом, превратившийся в госпиталь.

Во дворе уже стояли несколько раненых – почти все легко. Обработав раны и перевязав, пошел искать десятника.

Пропыленный, с уставшим лицом десятник распоряжался недалеко от ворот:

– Стрелы, стрелы несите, иначе тяжко отбиваться будет, – он послал двух отроков за припасами. Повернулся ко мне, лицо просветлело, мелькнула под усами улыбка. – А, лекарь Юрий! Молодец! Славно помог, от всех ратников и ополченцев глубокая тебе благодарность и поклон низкий.

– Как дела, что татары?

Лицо его вмиг посмурнело.

– Тайны хранить умеешь?

Я пожал плечами.

– Похоже, не скоро помощь подойдет. На колу, недалече от ворот, голова моего гонца. Одна надежда, крестьяне из окрестных сел смекнут, за помощью поскачут. А город наш окружен, – он ударил кулаком в ладонь, – как знали нечестивые, что часть дружины в Рязань ушла.

В голове мелькнуло: «А может, и знали!»

– Послушай, старшой, а может, и знали, на торгу разный народ, может, кто и лазутчик.

– Да была у меня такая думка, – нехотя признал десятник. – Советовался я с воеводой. У ворот стража стоит, и на прилегающих улицах, чтобы кто ворота изнутри не отпер, особливо ночью.

За стенами взвыли татары, защелками луками ратники на стенах.

– По местам! – вскричал десятник.

Я потрусил в свой «госпиталь». Пока раненых не было, но надо было подготовиться. В котлах во дворе уже была приготовлена горячая вода, в комнате две девицы споро резали холстины на длинные полосы. Пол и обеденный стол были чисто вымыты, а стол даже отскоблен. Самой хозяйки не было видно, девицы скорбно вздохнули – мужа у нее на Заречной стороне убило, туда побегла:

– Да, не всем повезло в эту ночь.

Я протер инструменты хлебным вином, разложил на чистой холстине.

Работа не заставила себя ждать – раненые, кто сам, а кого и вели под руки, снова потянулись к дому. Снова тяжкий и кровавый труд – зашить, перевязать, отрезать разможенные пальцы. Правда, на этот раз я был умней – у Игната Лукича выпросил пару передников и вымазался кровью уже не так, тем более при дневном свете трудиться было не в пример лучше. Наконец и эта партия была обработана. Что удивляло – это терпение пациентов.

Ведь никакого наркоза – ни общего, ни местного обезболивания не было, максимум, что я мог, – это налить им по кружке хлебного вина, в моем времени я такого даже помыслить не мог, а здесь или кряхтели, или стонали сквозь сжатые зубы, но почти никто не закричал – не по-мужицки, взялся за мужскую работу – тяни ее до конца с достоинством.

Да, в этом мире люди были покрепче. У себя в отделении я насмотрелся, когда здоровенные молодые мужики падали в обморок при одном только виде шприца или, упаси бог, скальпеля.

Пока выдались несколько спокойных минут, я улегся на лавку, пытаюсь вздремнуть. Снова взвыли татары, грохнуло несколько пушечных выстрелов. Обычно после пушечных выстрелов татары отступали, но в этот раз явно что-то было не так.

Звук боя – крики, щелканье тетивы, лязг железа – нарастал. Во двор, шатаясь, вошел воин, его тут же подхватили холопы, перенесли на стол. Из плеча спереди торчало оперение татарской стрелы, со спины был виден наконечник.

– Татарва одолевает, уже до верха стены добрались, десятника убило, – скривился он.

Сломав стрелу и вытащив обе половинки, я наскоро забинтовал ему рану и кинулся к воротам. Надо помогать, если татары прорвутся, раненых, увечных или не представляющих для них интереса, просто порубят, как капусту. На кону стояли моя жизнь и жизнь города. В конце концов, город дал мне приют, да и русский я все-таки. За мной бежали оба холопа – Прошка с постоялого двора и другой, даже имени его я не знал. Справа от ворот, на стене, на широкой галерее уже бились мечами и саблями русские и татары. По крутой лестнице мы забрались наверх, в надворотную башню. На площадке лежали убитые стрелами ратники, метрах в двадцати дрались топорами ополченцы. Один из холопов схватил валявшийся рядом с воином меч и кинулся на подмогу. Прошку я успел удержать. Взгляд мой упал на медный туюфак. Попробовать, что ли? На затравочном отверстии лежал порох, стало быть, туюфак был заряжен.

– Проша, берись за хвостовик колоды, поворачивай, куда скажу.

Я неосмотрительно выглянул из бойницы, в тот же миг, едва не задев ухо, мимо просвистела стрела, но я успел увидеть, как забросив веревки с крючьями на концах, по стене лезли татары. Хорошо, что башня выступала за плоскость стены и штурмующие были видны отчетливо. Никаких прицельных приспособлений не было, я по стволу навел тюфяк, схватил из железного ведра с костерком под ним тлеющий прут и приложил к заправочному отверстию. Порох вспыхнул, мы отскочили от тюфяка, в это время грянул выстрел. Все окуталось дымом, тюфяк подскочил и отлетел метра на два назад. За стеной раздавались крики боли и ужаса. Дым начал рассеиваться, и я увидел, что стена была почти чистой. Кое-где, запутавшись в своих же веревках, висели трупы татар, а внизу, под стеной, лежали мертвые тела. Получив весомую поддержку, ратники и ополченцы с новыми силами бросились на оставшихся татар, и в течение нескольких минут стена была очищена. Но слева от ворот штурм продолжался. На помощь подбежали несколько мужиков и стали разворачивать тюфяк стволом влево. Найдя на площадке банник, я споро прочистил ствол, залез в него рукой – нет ли тлеющих частиц, иначе заряжать опасно, схватил совок и из стоящей поодаль бочки с зерненым порохом зачерпнул его. В голове мелькнуло, а сколько сыпать. Мало – выстрел будет слабым, много – разорвет ствол и всех рядом поубивает.

Для начала я решил ограничиться одним совком. Засыпал его в короткий ствол, утрамбовал прибойником, заложил пыж. Мужики уже подтащили в деревянной бадье каменный дроб. Я забил его в ствол и снова наложил пыж. Времени катастрофически не хватало, через бойницу я видел ползущих на стену татар. В боковую бойницу залетело несколько стрел, и один из помогавших мне мужиков упал со стрелой в шее. Мы снова начали наводить – я прицеливался по стволу, Прошка двигал деревянную колоду влево или вправо, повинаясь сигналам моей руки. Готово! Снова я схватил фитиль, приложил к затравочному отверстию, благоразумно встав сбоку. Ба-бах! В этот раз ветер дул уже навстречу, поэтому дым снесло в сторону и можно было видеть результат стрельбы. Каменный дроб, где каждый камушек был размером в полкулака, выкосил среди нападавших изрядную прореху, однако атаки не остановил. Мы снова кинулись заряжать тюфяк. Прохор оказался парнем глазастым и понятливым, почти сразу подавал мне, что требовалось, и в этот раз зарядить тюфяк удалось значительно быстрее, и сыпанул пороха я теперь полтора совка. Снова прицеливание, снова выстрел. В этот раз заряд полетел дальше, выстрел был точнее и стена почти очистилась. Но и татары, оценив угрозу со стороны пушки на башне, осыпали нас стрелами. Сверху нас защищал навес, опасность представляли бойницы, открытые на три стороны. Рассудив, что наибольшую опасность представляла фронтальная бойница, мы закрыли ее деревянным щитом, стоявшим рядом.

Частый стук от стрел по щиту, крыше и стенам показал, что враг по достоинству нас оценил и стоило поберечь голову, не высовываясь из бойницы. Уже действуя более спешно, мы зарядили тюфяк еще раз. Я уже опытным путем определил навеску пороха и каменного дроба, дальность стрельбы. Была она крайне невелика – не больше ста метров, из лука можно было выстрелить чуть не втрое дальше, да и точнее, но... один тюфяк, стреляющий дробом, на близком расстоянии буквально выкашивал нападающих, будто разом, одновременно стреляли из луков два-три десятка воинов. Я знал, что пройдет еще много лет и пушки усовершенствуются, станут точнее, быстрозаряднее и убойнее. Но пока...

Атака татар временно была отбита, они с воем откатились на обширную поляну перед городом, где на дистанции метров в триста от стен стоял небольшой шатер. Можно было передохнуть, по нашим закопченным лицам бежали струйки пота, мы дышали, как загнанные лошади. Да и то – весил тюфяк, вероятно, около полутонны, может, чуть меньше, наводя его, пришлось ворочать в стороны, заряжать, не мешкая, снова подтаскивать к бойнице. Колес лафет не имел. А было нас всего трое – я, холоп Прохор да один из пришедших на помощь мужиков.

Мы присели на колоду. Снизу раздались голоса, звон оружия, шагов, и на площадку, пыхтя и отдуваясь, забрался воевода:

– Лекарь, ты? – сильно удивился он.

– Я.

– Мне сказывали, десятник и пушкарь убиты, я на помощь кинулся, а тут смотрю – тюфяк стреляет, нападение отбито. Так это ты, вестимо, стрелял? – не верил воевода.

– Он, он, – подтвердили окружавшие.

– Молодца! Так, ты пушкарь или знахарь? Людишки к пушкам даже подходить боятся, а ты вон управился, еще бы чуток помедлил, не удержали бы басурман. Вовремя ударил, на стенах людей половину поубивало, а пушкарей и вовсе почти не осталось. От отечества и города спасибо, вот боярин возвратится, все ему обскажу.

– Так сейчас-то мне что – идти людей лечить или пушкой заниматься?

– Пойди по другим башням, у нас еще четыре пушки есть, да пушкарей, вишь, не осталось. Для нас сейчас важнее огненный бой, не удержим без него город.

Распорядившись выделить мне еще полдюжины ополченцев, воевода быстрым шагом двинулся к воротам, а я в окружении Прохора и преданных мне ополченцев пошел к другой башне. Картина здесь была почти такая же, как и в первой башне. Лежали убитые стрелами ратники, и стояла пушка. Если тюфяк стрелял дробом, то пушка стреляла ядрами – каменными, чугунными, свинцовыми. Ядра лежали аккуратными пирамидами недалеко от пушки, вероятно, ребятам не повезло – успели выстрелить всего несколько раз. Мы зарядили пушку, попутно я объяснял мужикам, кто и что будет делать – кто будет сыпать порох, кто заталкивать в ствол пыж, ядро. Я оставил за собой самое ответственное – прицеливание и поджигание заряда. Наконец пушка оказалась готова к выстрелу. Времени на ее зарядку ушло больше, чем на тюфяк, так как ствол оказался длинным и кидать туда, как в тюфяк, дроб рукой не получалось. Я стал в раздумье: опробовать, пальнув по татарам, – а вдруг разворошу этот осиный улей? Или погодить? А, пальну, хоть опробую пушку. Я попробовал навести бронзовый ствол по шатру, взял в руки тлеющий прут, мужики в испуге отбежали в стороны. Поджег, мучительно прошли несколько секунд, и грянул выстрел. Колеса у пушки были закреплены деревянными клиньями, поэтому она только сильно подпрыгнула, но назад от отдачи не покатила. Ядро попало в шатер, чему я и сам удивился, однако дуракам, пьяницам и начинающим бывает и везет. От шатра врассыпную кинулись татары, кто на своих двоих, кто запрыгнув на лошадь. В стане поднялась паника, в сторону города принялись метать стрелы, но ввиду дальнего расстояния большого вреда не причинив. В дальнейшем оказалось, что этим ядром был ранен предводитель татар – ему оторвало ногу ниже колена. Об этом поведал захваченный через три дня в плен татарин. Больше в этот день атак не было, я успел обойти все башни, где стояли тюфяки и пушки, зарядил их и направил на опасные направления. Возле каждой пушки оставались по несколько человек, следить, чтобы не гас костерок и прут был раскаленным.

В городе была беготня, обстрела не было, женщины шли проведать своих, несли продукты, воду, брели от стен раненые. Я снова пошел к своему «госпиталю». Кое-кто был уже перевязан, человек десять ждали моей помощи. Снова обработка ран, наложение швов, перевязки, шинирование рук и ног. Когда раненые кончились, сил радоваться уже не было. Я наказал Прохору разбудить

меня в случае чего, лег на лавку рядом со столом и провалился в сон.

Проснулся от радостных криков на улице – оказалось, проспал я до утра, а ночью татары ушли, оставив вокруг города выжженные пятна от костров и обглоданные кости съеденных овец и лошадей. Воевода осторожно через чуть приоткрытые ворота выпустил небольшие разъезды в разные стороны – разведать, куда делись нечистые, может, за ближайшим леском хоронятся. Разъезды вернулись ни с чем, в полдня пути татар не было нигде. За этот день я успел обмыться, хорошо покушал и валялся в полудреме в своей комнате.

Осторожно постучав, в комнату вошел Проша. За прошедшие дни татарского нападения мы сблизились – он помогал в работе с ранеными, не убоившись крови и мучений, в эпизоде с тюфяком не бросил позорно, стоял рядом со мной, при стрельбе только закрывал глаза и мелко крестился.

– Барин! – Во как авторитет-то мой вырос. – Там к тебе раненые пришли, ну кому ты помощь оказывал ране. Ты ж сам велел.

Сам виноват, подзабыл!

Бегло осмотрев раненых, нашел их состояние хорошим. Жизнь продолжалась, и я пошел на торг покупать себе одежду взамен безнадежно испорченной кровью и изодранной. На меня на торгу оглядывались, встречные здоровались уважительно, похоже, я становился личностью популярной. Я приобрел несколько рубашек, причем одну купец в знак особого расположения подарил, отказавшись брать деньги. Еще я приобрел несколько аршин льна и здоровый кусок тонкой кожи, задумав сделать что-то вроде передников и врачебного костюма – для таких передряг, как эта, будет в самый раз. Ночь прошла спокойно, даже снов не видел.

Глава 4

После полудня из леса стройной колонной показалась дружина касимовского боярина. Сверкали на солнце шлемы, тускло, как рыба чешуя, переливались кольчуги, остро сияли наточенные наконечники копий. По четыре в ряд

покачивались в седлах воины, пыль скрывала задние ряды, но даже видимая часть внушала уважение. Впереди в ярко-синем плаще, на белом мерине гордо восседал мой ровесник. Был он сух, русая борода обрамляла узкое лицо, ветерок трепал длинные волосы, кольчуга была отделана посеребрёнными зеркалами, к задней луке богато отделанного бархатом седла был приторочен щит.

Ворота городка распахнулись, и толпа народа, и как только так быстро прознали и собрались, вышла навстречу. Встретились, боярин легко спрыгнул с коня, поклонился народу:

– Здравсте, други мои. Рад вас видеть в добром здравии!

Толпа радостно приветствовала боярина. Я заподозрил, что больше радуются возвращению воинства, ведь без малого городок чуть не удержали. Боярин отломил хлеб-соль, и колонна, сопровождаемая женщинами и детьми, медленно втянулась в город. Большого интереса к начальству я не испытывал никогда, поэтому отправился к себе. Сегодня должны были хоронить погибших, число их было велико – три дюжины из дружины и больше полусотни ополченцев. В каких-то избах радовались победе, где-то оплакивали павших.

Вместе с челядью во главе с Игнатом Лукичом мы пошли на погост, располагавшийся на высоком речном берегу, в полуверсте от города. Проводить в последний путь павших собралось очень много, наверное, полгорода. Священник нараспев начал читать молебен, служки замахали кадилами. Под плач и крики вдов и сирот, горькие рыдания ближней родни погибших похоронили. Для многих, если не для всех, это обозначало конец сытой жизни, ведь мужчина в доме – добытчик, кормилец. Женщина не может рубить деревья, пахать пашню, охотиться на зверя. Многие занятия требуют мужской силы, ловкости, умения обращаться с оружием и инструментами. В чисто патриархальном обществе быт женщины был строго ограничен рамками церковных и общинных устоев.

После молчаливого возвращения домой Игнат Лукич устроил поминки по павшим. Все молча выпили – кто вина, кто хлебного вина, помянули тех, кого знали. Игнат Лукич произнес заупокойную речь:

– Вы не побоялись сильного и злого врага. Не пожалели живот свой за веру русскую, детей и жен, охраняли город от басурман. Спите спокойно, други!

Пили степенно, пьяных не было.

Я еще раз подивился про себя – в моем мире от военкомата бегают, на похоронах после... – дцатой рюмки начинают петь и плясать, забывая причину.

В середине застолья в трапезную вошел отрок и молвил:

– Кто здесь лекарь Юрий, Григорьев сын?

Я поднялся из-за стола.

– Боярин к себе приглашает.

– Иди, иди, – подтолкнул в спину Игнат Лукич.

Чувствуя некоторую слабость в коленях и легкое покачивание от выпитого, я пошел за посыльным. Меня провели в огромный боярский дом. Здесь тоже отмечали то ли тризну, то ли возвращение. За огромным, длинным столом восседали воины, знатные люди, коих можно было узнать по богатым одеждам и тяжелым драгоценностям. Около стола сновали с кувшинами и подносами юноши и девушки. На столах стояла серебряная и золотая посуда, ярко пылали факелы на стенах. Чего только на столах не было – жареный поросенок, копченый осетр, запеченные фазаны, фаршированные утки, заливная уха из щуки, печеный бараний бок, гусиная печенька, нежные цыплята да много еще чего, что я просто не успел рассмотреть, пока меня вели к голове стола. Там в высоком кресле восседал боярин, лицо его покраснелось, руки были в блестевшем жиру – в левой он держал куриную ногу, в правой кубок с вином.

– Ну-ка, покажись, герой. Мне про тебя воевода много что порассказывал.

Я был смущен вниманием стольких людей. Гомон в зале затих, все с любопытством смотрели на меня.

– Молодец! Выпей с нами чашу, – и протянул ко мне кубок.

– Здрав будь, боярин, – ляпнул я и осушил протянутый кубок.

Какие тосты здесь к лицу, я просто не знал. Воины и знатные люди также дружно осушили кубки, принялись заедать.

– Кто таков, почему я тебя не знаю?

В зале опять установилась тишина.

– Кожин, Юрий, Григорьев сын, лекарь, – по-военному доложил я.

– Имя-то у тебя византийское, откуда будешь?

Пришлось изворачиваться:

– Отца и мать свою не помню, путешествовал из дальних краев, да вот осел пока у вас, позволяешь ли?

– Дозволяю, – благосклонно кивнул боярин. – Такие люди нам нужны. А пушкарскому делу где обучен, зело ловко, сказывал воевода, ты татар из тюфяка посек, кабы не ты – большой урон городу был бы.

– Так, в заморских краях и обучился.

– Становись под мое крыло, вступай в дружину! Говорят, ты и лекарь изрядный.

Ратники дружно закивали, велик ли город, все новости расходятся быстро. Я задумался.

– Прости, боярин, неуместно мне в дружине, там убивать надо, я лечить хочу, от смерти спасти.

Боярин засмеялся, через мгновение захохотали все. Лица многих, красные от выпитого, стали просто пунцовыми, кто-то подавился и стал кашлять.

Боярин отсмеялся и молвил:

– Убивать не можешь? Да ты один из пушки людей больше убил, чем все мои люди!

Зал вновь захохотал, тут уж и я заулыбался. А действительно!

– Шутник ты, братец! Ладно, проси чего хочешь.

Я пожал плечами.

– Все у меня вроде есть.

Зал снова захохотал. Утирая выступившие слезы, боярин что-то сказал холопу, тот исчез и быстро появился вновь, неся в руках шубу. В мехах я пока разбирался слабо, можно сказать, и не разбирался вовсе. Конечно, заячью шапку отличить от лисьей я мог, ну норку еще, и все.

– Носи, заслужил с честью. Что в дружину вступать не хочешь – так вольному воля, а теперь посиди с нами, выпей за победу.

Надрался в этот вечер я славно.

Утром проснулся на чужой перине, в чужой комнате. Как я здесь оказался? Лежал я в одежде, только сняты оказались сапоги, что стояли у кровати, да рядом, на сундуке, лежала жалованная мне шуба. Голова раскалывалась, во рту было суше, чем в пустыне. Не рассчитал, да и то взять, у Лукича в трактире хлебное вино – почитай, самогон – пил, а здесь вино, от такого ерша быстро свалишься. Застонав, я кое-как обул сапоги и вышел в коридор, передо мной объявился холоп и проводил во вчерашний зал. Был он почти пуст, только несколько воинов, без кольчуг, опоясанные мечами, сидели за столом. Вид у всех был бледно-зеленый. Дружно меня поприветствовали, предложили горячий бараний шулюм и рассол. Я жадно присосался к кувшину, в голове начало проясняться. Шулюм оказался, на удивление, хорош – нежное мясо, наваристый бульон, в меру сдобрен солью и перцем. Наевшись, задумался: что делать – искать боярина, чтобы попрощаться? Неудобно уходить по-английски. Мои сомнения развеял холоп – боярина в доме нет, поехал разрушения в стенах

осматривать вместе с воеводой, тебя велел до дома проводить. Выделенный холоп нес мою шубу, пока я с трудом ковылял к постоялому двору. Нельзя так пить, решил я, спяну мог и наболтать невесть чего.

Игнат Лукич встретил восторженно. Слухи доходят быстро.

– Рад, наслышан уж про шубу, – подошел, ощупал шубу, помял между пальцами. – Новая, из бобра, хорошая, долго носить будешь.

Прошло четыре дня, жизнь вошла в свою колею. Стены, кое-где порушенные татарами, подправили, торг шумел по-прежнему. Дела у Игната Лукича на лесопилке шли просто замечательно – артельщики приноровились, и теперь каждый день телеги с досками тянулись в город. В один из дней, возвращаясь от купца, к которому ходил по приглашению – лечить занедужившую жену, я встретил хозяйку бывшего «госпиталя». Поздоровались, постояли:

– Как звать-то тебя – в суматохе не спросил я тогда.

– Анастасия.

– Муж погиб у тебя? – смутно припомнил ее лицо на похоронах.

– На все воля Господня, – Анастасия перекрестилась.

– Детки-то есть?

– Есть один, Мишутка.

Лицо женщины осунулось, под глазами легли темные круги. Тогда, в период нападения татар, я и не приглядывался к ней, и некогда было, и темно, голова была занята другим. Теперь я рассмотрел ее поближе – русые волосы, покрытые черным платком, симпатичное лицо, нежная кожа, высокая грудь, все остальное скрывал широченный, длинный сарафан.

Личико Анастасии слегка зарумянилось.

– Некогда мне стоять с вами, да и соседи что скажут?

– А можно ли зайти к тебе, поведать?

– А почему нельзя, ты уж в доме моем был.

Я сделал крюк, зашел на торг, купил леденцов на палочке и височные кольца из серебра. Теперь я уже мог позволить небольшие траты, в кошельке на поясе позвякивало серебро.

Придя домой, обмылся, слегка перекусил и, надев новую рубашку, отправился с гостинцами в гости. Помня, что собаки не было, я распахнул калитку, во дворе стоял мальчишка лет восьми в длинной рубашонке и портках, босой, с прутиком в руке, загонявший гусей и уток в сарай.

– Здравствуй, работник! – поприветствовал я его. – Звать-величать тебя как?

– Михаил, – серьезно ответил паренек.

– А мама твоя дома?

Паренек кивнул.

– Позови.

Но из дома уже выходила хозяйка, одетая в простой ситцевый сарафан, видно, занималась по хозяйству.

– Ой, – вскинула руками и убежала в дом.

Я подошел к мальчику протянул леденцы, паренек обрадовался – наверное, в этом доме нечасто баловали ребенка сладостями.

– Благодарствую. А я знаю, кто вы, – вы в нашем доме раненых лечили.

– Да! – Я погладил ребенка по вихрастой голове.

Из дома вышла уже переодетая Настя – яркий сарафан, из-под него выглядывали носки синих туфелек.

– Заходи, гость дорогой, отведай бражки али квасу.

Я вошел в дом, в котором за прошедшие дни почти ничего не изменилось, только полы были отскоблены до желта. В комнате было чистенько, уютно, но бедновато. Мы уселись, и хозяйка подала ковш с квасом.

– А кем был твой муж?

– Шорником в кожевенной слободе работал, хорошую сбрую для лошадей делал, да вишь, не повезло, забрала его к себе костлявая.

Я достал из кошелья свой подарок – височные кольца и протянул женщине.

– Это тебе мой подарок.

– Да за что мне? – Нерешительно дотронулась до колец. – Дорого больно, мне и муж такие не дарил.

– Это тебе за урон и беспокойство, что дома тебе я учинил, как татар отбивали.

– Так, всеобщее дело – от нечестивцев обороняться, каждый должен свою лепту внести.

Мы посидели с часок, поговорили о разном, уходить не хотелось, в доме чувствовалось женское тепло и уют, которых мне не хватало, но компрометировать хозяйку не хотелось. И так любопытные соседи периодически поглядывали через забор.

– Когда к тебе зайти еще можно?

– Некогда мне сейчас, лекарь Юрий, холсты в боярский двор закончить надо, приходи через три дня, если не забудешь.

В последующие три дня работы было много – снимал швы у тех, кому обрабатывал раны при нападении татар, принимал болящих.

Поток пациентов день ото дня потихоньку рос. Слава богу, также быстро плотники заканчивали домик для приема пациентов во дворе у Игната Лукича.

Проблема с досками теперь отпала. Я каждый день забегал на стройку, показывал, где поставить стол, лавки, себе заказал два стула. Плотники постарались на славу – стулья сделали резные, с фигурами птиц и зверей. Поскольку приближалась осень, нужно было поторапливаться, теснота и неудобство приема в небольшой комнате на втором этаже начинали тяготить.

Наконец, выпало свободное от работы окно, и я быстро собрался на торг. Долго выбирал подарок Анастасии и ее сынишке, Мише купил красивую рубашку, а Анастасии – отрез шелка и красивый кожаный ремешок.

В этот же вечер направился в гости. На этот раз меня ждали. В горнице был постелен домотканый половичок, на столе стояло небогатое угощение – пирожки, квас, зелень с огорода.

Я достал из сумки подарки – мальчонка тут же облачился в обновку и посмотрел на мать.

– Хорош, к лицу ему, за что ты так нас радуешь? – молвила женщина.

– Нравишься ты мне, Настя!

Женщина зарделась, схватила шелк и уткнулась в него лицом.

Мальчишка уже давно убежал хвастаться перед соседскими ребятами, мы остались одни. Я подсел поближе, обнял Настю, погладил по голове – волосы были легкие, пушистые, блестящие.

– Неужто нравлюсь? – прошептала Настя. – Я ведь тебя еще тогда ночью заметила, да ты в мою сторону и не смотрел, конечно, некогда было на баб оглядываться.

Лицо ее разрумянилось, глаза живо блестели, губы слегка приоткрылись, показывая жемчужные зубки. Красавицей ее назвать, пожалуй, было нельзя, но симпатичной – да, однако было в ней что-то такое – достоинство, женственность, какая-то особая привлекательность. Да и умом Господь не обделил.

– Я ведь замужем десять лет пробыла, сына родила, кровиночку мою, а с мужем так и не слюбилось. Отец с матерью засватали, меня никто не спрашивал, да и то в отцовой семье восемь детишек, а сыновей всего двое, землю только на них община выделяет. Вот батенька нас быстро из отчего дома и спровадил. Муж работающий у меня был, – продолжала она, – внешностью, правда, не вышел, плюгавенький да вино пить любил, в пьяном виде и меня, и сына бил часто. – Слезы навернулись на ее глаза. – Вот.

Женская доля!

Я как мог ее успокаивал, поглаживал спину, любовался ее волосами, целовал в ушко. Потихоньку стал возбуждаться, все-таки женщины у меня не было давно, не сказать, что бабник был, но все-таки живой человек.

Я стянул с нее сарафан, под ним оказалась рубашка, к моей радости, лифчиков и трусов женщины здесь не носили. От поцелуев шеи я перешел на соски и груди. Грудь, несмотря на роды, была упругой, хорошо держала формы, крупные, как вишенки, соски так и просились на язык. Мы как-то незаметно оказались в кровати, за печкой, и я принялся ласкать промежность, явно женщины средневековья не знали ласк клитора, лоно стало влажным и горячим, стан женщины выгибался, с губ слетало бессвязное бормотание, соски поплотнели, дальше не мог сдерживаться и я, приспустив брюки, лег на нее. Любовницей она оказалась неумелой, но темпераментной. Ладно, лиха беда начало, мы еще разучим камасутру. Надолго меня не хватило, сказалось длительное воздержание. Анастасия бурно дышала, грудь ее высоко вздымалась:

– Так хорошо мне с мужем не было, неужели так сладко может быть. – Она ухватилась за причинное место. – Да и дружок у тебя неплохой, мужу до тебя далеко было.

Хоть и комплимент, но в душе кольнула ревность. Да, я не бабник, но холостой, и женщины у меня были, и почему-то часто после любовных игр они начинали сравнения, меня это всегда раздражало.

Немного передохнув, мы снова, уже не спеша, принялись за ласки. В это время в сенях раздался грохот, детский крик. Анастасия подхватила, накинула сарафан и побежала к дверям, пока мы миловались, стемнело, и ее сын, возвращаясь домой, впотьмах зацепил ведро, облился водой. С виноватым видом он вошел в комнату, ругать его мама не стала, вытерла и передела в сухое.

– Дядя Юра, а теперь ты у нас жить будешь? – прозвучал детский вопрос. В ожидании ответа оба притихли.

Я замешкался.

– Пока нет, а там видно будет. Поспешишь – людей насмешишь, знаешь такую поговорку?

– Тогда ты к нам почаще заходи, такой рубахи, как у меня, ни у кого из ребят нету, – наивно сообщил мальчуган.

У порога мы обнялись, Настя прижалась ко мне:

– Теперь я поняла, что такое настоящий мужчина, заходи чаще, мы оба тебя ждать будем, – и перекрестила на прощанье.

Легким шагом, с хорошим настроением я добрался до своей постели. Игнат Лукич лишь лукаво улыбнулся, встретив меня за столом в трапезной, старый лис, понял, что у меня появилась женщина.

С утра прискакал посыльный – боярин к себе зовет, просил не медлить.

Голому собрату – только подпоясаться, я быстрым шагом направился к боярскому дому, стоявшие у входа воины без вопросов пропустили, видно, были предупреждены.

– Здрав будь, боярин, – слегка наклонился я – все же свободный человек, не холоп.

– Заходи, жду. Чарку гостю!

Из внутренних покоев выскочил парень в расписной рубашке и на подносе поднес чарку вина, отказываться было не принято. Я осушил кубок и перевернул, показывая, что выпил все и зла на хозяина не держу. Боярин взял меня за локоть, и мы прошли в горницу.

– Садись, дело у меня к тебе. Поведал я о тебе князю нашему, так он ночью уже гонца прислал – жена занедужила. Приказать я тебе не могу, но князю отказать – сам понимаешь.

– Добро, когда выезжать?

– Как соберешься.

Я почти бегом добрался до постоялого двора, собрал инструменты и одежду в сумку, постоял с кошельком в руке, да и кинулся к Анастасии. У князя, я думаю, и так накормят. Запыхавшись, вбежал во двор, стоявшая у сарайчика Анастасия испуганно обернулась. Лицо ее вмиг стало тревожным.

– Случилось что, любимый мой?

– Князь просит спешно в Рязань прибыть, жена занедужила, думаю, за пару недель обернуться, чтобы ждалось легче – возьми деньги.

– Что ты, что ты, не муж ведь ты мне.

– Бери, тебе и мальчишке они нужнее.

Я буквально всунул кошель в ее руки, крепко обнял и поцеловал:

– Некогда, прости! – и припустился обратно.

У постоялого двора уже ждали несколько всадников, одна лошадь была под седлом – для меня, екнуло в груди. Никогда в жизни я не ездил на лошади. Для местных это было привычно, ездить сызмальства умели все мужчины.

В панике я помчался к Игнату Лукичу.

– Выручай, князь к себе призывает, жена занедужила, на лошади ехать боюсь, дай повозку с рессорами.

– Да ты, парень, запрягать хоть умеешь?

– Не доводилось.

– Ну вот, а повозку просишь!

Трактирщик задумался:

– Проща, подь сюда, вот лекаря повезешь в Рязань, аккуратно только, в Рязани встанешь на постоялом дворе у моего брата, он поможет в случае нужды, привет ему передавай. А сейчас не мешкай.

Холоп умчался одеваться в дальнюю дорогу, другой челядин по грозному окрику Игната Лукича бросился запрягать кобылу.

Я забросил свои небогатые пожитки, и мы, в сопровождении четырех воинов, выехали со двора.

Еще проезжая по городским улицам, я мысленно поблагодарил себя за рессоры.

Подвеска была превосходной, если бы еще колеса не так громыхали, ведь обода были окованы железом.

Никогда ранее, даже в своем времени, я не был в этих краях. Слева и справа, впереди – до горизонта расстилались поля, часто перемежающиеся лесами. Небольшие речушки и ручейки прихотливо извивались, и так же извивалась проселочная дорога вдоль них, изредка попадались небольшие бревенчатые мостки. Часов через пять остановились перекусить у опушки. Ратники и Прохор ослабили подпруги, пустили коней щипать травку. Почти все из седельных сумок достали провиант – в основном сушеную рыбу, копченое мясо, лепешки, огурцы. На летней жаре продукты долго не выдержат. Оказалось, дальновидный Игнат Лукич положил здоровую торбу с харчами. Эх, инструменты собрал, к зазнобе сбегал, а о еде и не побеспокоился. Мысленно я поблагодарил трактирщика. После перекуса напились уже согревшегося кваса из фляжек и кувшинов и снова

двинулись в путь. Мелькали редкие деревеньки, из-под колес летела пыль. Двое верховых ехали поодаль впереди, двое сзади. Охраняли грамотно.

Езда уже начала утомлять.

– Сколько верст мы проехали?

– Дык, верст двадцать пять – тридцать.

В таком же темпе, не останавливаясь, мы ехали до темноты, отдохнуть решили на опушке березового леса. Расседлав лошадей, быстро развели костерок и повесили котелок. Скоро запахло кашей с мясом. Все подсели поближе и по очереди ложками стали вычерпывать. Ложки подозрительно быстро заскребли по дну. В этом же котелке подогрели воду, развели меда, напились и улеглись спать, один остался у костерка сторожить. По всей видимости, подобный вид отдыха был им привычен, сопение быстро переросло в богатырский храп. Прохор улегся под повозкой, расстелив взятый из-под облучка старый тулупчик. Я долго ворочался на мягком сиденье повозки, донимали комары. Но потихоньку сон сморил меня. Утром я проснулся от запаха дыма, готового кулеша, металлического позвякивания, всхрапывания лошадей.

– Долго спишь, лекарь, – весело бросил один из воинов.

Пришлось быстро умываться и в кружок. При всем ко мне уважении долго никто ждать не стал, а перспектива остаться голодным до обеда не радовала.

И второй день прошел как первый. Чем ближе мы подъезжали к Рязани, тем чаще начинали встречаться деревни, иногда попадались постоянные дворы прямо на перекрестках дорог, жалко, указателей на них не было. Я понял, что поговорка «Язык до Киева доведет» – это явно из этих времен.

Вечером, вымотанный вусмерть, я буквально свалился с сиденья. Сил хватило, чтобы сполоснуться и покушать. И я, и мои спутники были пропылены донельзя. На лицах белели лишь глаза и зубы, но держались мои попутчики не в пример мне значительно бодрее. Крепкий народ был на Руси, нынешним да городским не чета. Мы просто избалованы и изнежены цивилизацией. Никаких куриных мороженных окорочков, йогуртов, сосисок здесь не было. Что из дичи убил, то и сварил. В огородах урожай пусть и не богат, так ведь и без химии. В эту ночь сон

был крепкий, даже здоровенные комары не помешали.

С утра снова по установленному распорядку – быстрые сборы, горячая похлебка из взятых с собой запасов и снова в путь. В конце дня пятая точка, несмотря на рессоры и мягкую подушку сиденья, уже болела, а вернее, я ее не чувствовал. К вечеру, когда мы подъехали к постоялому двору, я взмолился – давайте здесь остановимся, горячих щей поедим, на перине поспим, помоемся хоть. Воины переглянулись, кивнули. Завтра к полудню уже подъедем.

Я подошел к владельцу постоялого двора:

– Есть ли банька, хозяин, топлена ли?

– А как же, холоп проводит.

С таким наслаждением я не мылся давно, пыль грязными потоками стекала с моего тела.

Отмякнув душой и телом, переодевшись в чистую рубашку, я вошел в трапезную. Воины уже поели и, сыто порыгивая, отправились спать. Спешно закусив половиной курицы и запив ужин пивом, последовал за ними. Выехали снова рано утром, душу грело сознание, что конец путешествия уже близок.

Вот вдалеке показались предместья – ремесленные слободы, окружавшие высокие белокаменные стены. К городу сходилась множество полевых дорог, по которым ехали подводы. Внутри поблескивали купола церквей, курился дымок из топившихся печей.

– Рязань, лекарь, доехали!

Глава 5

Мы подъехали к воротам города, крестьянские телеги сгрудились у въезда, перегораживая его. Воины растолкали телеги, кого потчужа крепким словцом, а кого и плеткой. Наконец, мы в городе, по узким улицам помчались к Кремлю, что

возвышался поодаль. В стороны от всадников прыскали испуганные горожане. Вот и княжеский дворец в Кремле, охрана было заступила дорогу, но старший из воинов сказал:

– По князьему поручению.

Из дверей вышел невзрачный человек, одетый ярко и в то же время как-то обыденно. Встреть такого на торгу, и не вспомнишь, как он выглядел.

– Ты лекарь из Касимова?

Я кивнул.

– Следуй за мной!

Быстрым шагом направился он по комнатам, переходам, лестницам. Я не успевал рассмотреть даже мельком убранство княжеских палат, хотя было очень уж любопытно. Где бы я еще это увидел?! Наконец, мы остановились перед массивной дубовой дверью с двумя воинами по бокам. Сделав мне знак остаться, провожатый исчез за дверью и почти сразу вышел:

– Заходи, князь ожидает.

Я вошел, следом провожатый. В большой комнате было светло. Стены завешаны пурпурным бархатом, в середине комнаты, на огромном ковре стояли стол и кресло, в котором в богатых одеяниях сидел князь. Властное лицо, обрамленное темной бородкой, короткие волосы скрыты под тафьей, умные, живые глаза. Я поклонился:

– Здравствуй, князь.

– И тебе долгих лет, лекарь. Мой боярин касимовский сказывал – ты зело искусен во врачевании, жена любимая сильно занедужила, вылечи, ничего не пожалею. Ее уже местные лекари пользовали, да толку чуть.

– Хорошо, князь, ведите к больной.

Снова переход по коридорам и лестницам, ей-богу, шел бы один – заплутал на обратном пути.

Подошли к покоям княгини, такие же дубовые двери, только без охраны. Сопровождающий деликатно постучал, выглянула сиделка.

– Вот, лекаря касимовского князь прислал.

Двери распахнулись шире, и я вошел. Комната оказалась поболее, чем у князя, везде ковры и парча, окна закрыты, воздух тяжеловатый. В комнате куча народа – сиделки, няньки; судя по травмам, торчащим из узелков, – местные травники и лекари. В углу стояла широкая кровать, на высоких подушках возлежала красивая женщина, лет этак тридцати пяти. Меня за руку подвели к больной. Русые волосы прядями прилипли к потному лбу, глаза запали, губы искусаны чуть не в кровь.

– Здравствуй, княгиня. Я лекарь из Касимова, по распоряжению князя и мужа твоего лечить тебя буду.

Кивнула, здороваясь.

– Я хотел бы для начала, чтобы открыли окна и всех людей отсюда удалили.

Служанки кинулись исполнять. Я присел на край кровати, взялся за пульс – частит, но наполнение хорошее.

– Болит где, княгиня?

– Уже седмицу спина болит, как схватит – сил нет.

– А тошнит, рвота была ли?

– Как приступ, так и рву.

– А по малой нужде как ходишь?

– Часто и больно.

Я осмотрел и ощупал больную. Похоже на почечную колику. Вот черт – ни рентгена, ни УЗИ, ни анализов сделать. Порылся в сумке, на свое счастье, нашел ампулу баралгина и последний шприц. Попросив хлебного вина вытер руки и сделал укол. Через некоторое время дыхание больной стало ровнее:

– Отпустило, лекарь, уже не так болит.

Я велел служанкам приготовить горячую ванну. В комнату ввалились четверо дюжих молодцев и, пыхтя, втащили здоровенную бадью с горячей водой. Княгиня прямо в рубашке села в бадью, вода была горячей, аж пар шел. Повелев служанкам принести побольше теплого питья – взвара или пива, я присел. Через несколько минут принесли жбан теплого пива.

– Вот теперь, княгиня, надо побольше выпить пива.

Поморщившись – не женское дело пиво пить, княгиня все-таки перечить не стала и принялась мелкими глотками пить. Я попросил привести кого-нибудь из местных травников. Вошел дородный старик с окладистой седой бородой. После приветствия я поинтересовался, есть ли у него травка – марена красильная.

– А как же, – обиделся дед.

– Принеси поболее, да захвати хвощ полевой, липовый цвет, укропа и ромашку.

После того как травы были принесены, я попросил травника их заварить. Получился своего рода почечный чай.

После принятия горячей ванны княгине полегчало, боли прошли. Не евшая несколько дней, измученная болями, захмелевшая после жбана теплого пива, княгиня была бережно отведена на кровать, и она моментально уснула. Наказав служанкам, как только княгиня проснется, тут же позвать меня, я вышел в коридор. Неприметный человек – Афанасий, как он назвался, – был тут и проводил меня в соседнюю комнату.

– Жить пока здесь будешь, рядом с покоями княгини, князь так распорядился. Холопа твоего с лошадей уже определили, не тревожься. Скажи, что нужно.

– Чтобы вода горячая в большом количестве всегда была, теплое свежее пиво, хлебное вино.

– Да ты никак бражничать собрался, – изумился Афанасий.

– Нет, для лечения надобно.

В небольшой комнате была кровать с периной, стол и – о чудо – шкаф, причем иноземной работы – резной, покрытый лаком. Мой знакомый из прошлого, а вернее, далекого будущего – собиратель антиквариата – точно бы удавился. Я переоделся, в дверь постучали, и вошла служанка.

– Не покушаете с дороги?

– И покушаю, и напиться хочу.

В комнату внесли поднос, на котором стояли блюда с жареным мясом, вареная белорыбца, стопкой лежали лепешки и стоял кувшинчик с квасом. Хорошо подкрепившись, я пошел в баню. Двое холопов, несмотря на мои робкие возражения, сноровисто меня раздели, уложили на лавку, стали потирать золой и охаживать веником, натерли докрасна мочалом и обмыли. Воистину для русского тела баня – лучшее лекарство. Усталость как рукой сняло, смылись пыль и пот, открылись поры, тело легко дышало. Но надо поторапливаться, чай, не отдыхать позвали.

Княгиня пока не проснулась, намаялась за предыдущие дни, отсыпалась. То и хорошо, сон тоже лечит, сил наберется.

К вечеру княгиня – Елизавета Николаевна – проснулась и встала. Я уже находился в комнате, взглянув смущенно в мою сторону, сказала:

– По малой нужде сильно хочу!

– Это хорошо, но только в горшок.

Чтобы не смущать, я вышел.

Как я и думал, моча оказалась с примесью крови. Диагноз, к моему счастью, подтвердился.

Чувствовала себя княжна вполне удовлетворительно – боли прошли, беспокоила лишь легкая слабость. Я отменил постельный режим, ограничив лишь верховую езду и езду в возке, а также острые кушанья. К вечерней трапезе меня пригласили, и княгиня сидела по левую руку от князя. Выглядела она относительно неплохо, недавнюю болезнь выдавала лишь бледность лица. Зато князь был весел. Я с достоинством поклонился. Князь и княгиня ответили кивком головы. За столом сидели только ближние бояре и приближенные лица. Но и тех набиралось около тридцати. Меня усадили с торца стола, на другом конце от князя. Стол ломился от кушаний, ни в одном ресторане я не видел такого обилия вкуснотищи. Челядь, стоявшая сбоку стола, подкладывала новые блюда, взамен опустевших, виночерпий следил, чтобы бокалы и кубки были полны. После того как все слегка поели и выпили, князь, глядя через весь стол на меня, сказал:

– Благодарю тебя, лекарь Юрий, спас мою любимую жену от напасти. Верно мне сказывал боярин касимовский, теперь сам убедился, в искусстве и умении лекарском достиг ты высот. Откуда на земле рязанской появился, иначе я бы раньше о тебе услышал.

Я снова рассказал придуманную легенду об учебе в дальних странах.

– Лепо, – молвил князь.

Я поспешил добавить:

– Еще дней несколько за ней понаблюдаю, дозволю.

– Дозволяю, – благосклонно кивнул князь. – Что за работу искусную просишь?

Я пожал плечами – что я мог просить, у меня ничего не было – ни кола, ни двора, ни родных, ни лошади.

Князь хлопнул в ладони. Вошел челядин, князь прошептал ему на ухо, и тот исчез, чтобы через десяток минут появиться вновь. Его сопровождали два молодца, чего-то несших на подносах, покрытых платками. Князь громко сказал:

– Жалую лекаря шапкой серебра!

Ко мне подошли холопы, один сунул мне в руки глубокую бобровую шапку, второй с другого подноса, где оказалась грудка серебряных монет, стал горстями высыпать мне в шапку. Такого я и ожидать не мог. Бояре радостно зашумели, слышались крики во здравие князя и его щедрости. Когда шапка оказалась полна, я поклонился князю и поблагодарил. Видя мое замешательство – как шапку-то держать, в ней весу – килограммов пять, холоп взял с пустого подноса платок, перевязал шапку и связал все четыре угла.

Поклонился и тихо сказал:

– Мы отнесем в твою комнату.

Я поднял кубок за князя и его жену, за его деток.

В общем, кончилось все как у боярина в Касимове. Утром я проснулся с головной болью и похмельем. Типично русская болезнь. И сколько раз я себе говорил, но не будешь же отказываться на княжеском застолье. Умывшись, зашел к Елизавете Николаевне. Женщина оправилась от болезни, еще больше похорошела. Жалоб не предъявляла. Поблагодарила меня за труды.

В коридоре подошел Афанасий – тот самый неприметный человек – и повел завтракать.

Кушали в небольшой комнате – несколько приближенных человек – княжеский ключник, конюшенный, тиун, воевода и Афанасий. Как я понял, в нашем мире его называли бы человеком по особым поручениям. В перерывах между блюдами меня снова начали выпрашивать – кто я, откуда, где был, что видел. Пытались это делать незаметно, но я-то был из XXI века, хотя бы по телевизору видел, что такое перекрестный допрос. И то – как можно допустить к княжескому телу незнакомца – вдруг отравит или погубит каким другим способом.

В полдень меня позвали к князю. Сидел он в той же комнате, что и в первую нашу встречу. Поздоровались, на этот раз меня посадили на стул. Разговор начался о Касимове, а также касался моей стрельбы.

– Откуда огненный бой знаешь, воевода местный сказывал – зело ловко ты с пушками управляешься, выручил город.

– Когда в дальних землях был, пришлось и огненному делу научиться, и других диговин посмотреть.

– Да, мне молвили про некие диговины, что ты делал, как доски удумал из бревен делать.

– Так, не сам удумал, тоже ранее видел.

– Любопытно, – князь замолчал, задумавшись. – А ко мне не хочешь переехать, в Рязани жить, это не маленький Касимов? Человеку с таким искусством людей лечить в Касимове тесно будет.

В уме князю не откажешь.

Только и я помнил грибоедовское: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». Сегодня ты люб, а завтра можно и головы лишиться. Рязань, конечно, не Касимов, да только не будет ли дозветь надо мной длинная княжеская длань. Не успел в Касимове лесопилку сотворить, как князю уже известно. Я раздумывал, князь молчал.

– Вижу, колеблешься. Даю тебе три дня на раздумье. Будешь мою семью и челядь приближенную пользоваться, притеснять не буду. Дом в Рязани купишь али построишь, зазнобу сюда перевезешь. Ежели полезную диговину сотворишь, долю выделю.

– Хорошо, я подумаю, княже.

Из боковой дверцы вышел Афанасий – князь кивнул на меня:

– Покажи в городе лекарю дома, какие на продажу, пусть пока поглядит, приценится.

Мы поклонились князю и вышли. В коридоре я схватил за рукав Афанасия.

– Где мне денег на дом взять? А без денег чего же смотреть?

Человечек изумился.

– Да тебе князь полную шапку серебра отвесил, неужель девал куда? На эти деньги ты два хороших дома возьмешь.

Мы подошли к конюшне, нашли в боковой комнате Прохора – он лежал на лавке, поглаживая живот, – видно, ему здесь нравилось.

– Запрягай, – распорядился я.

Сели в возок, поехали. Через короткое время Афанасий стал дергать меня за рукав:

– Слышь, лекарь, что у тебя за возок такой? Почти не трясет, тоже какая диковина.

Я сказал:

– Видел в дальних странах, вот и себе сделал.

Афанасий ерзал на сиденье, довольно цокал языком.

– Надо обсказать княгине. Князь-то, Олег Всеволодович, верхами ездит, возком почти не пользуется, для парадных выездов токмо. Княгине, думаю, такое по вкусу придется.

Мы проехали по нескольким местам. Один дом мне понравился – в два этажа, из бревен, не старый, стоял близко от центра, но в тихом переулке.

Торговался в основном Афанасий. Я еще не успел всерьез решиться на этот шаг, колебался. Афанасий спросил:

– Дом и участок нравятся?

– Да.

– Ну так бери!

Мы хлопнули по рукам, договорились встретиться завтра – надо было составлять купчую, и я, слегка ошарашенный сделкой, вместе с Афанасием и Прохором направился назад.

– Не переживай, лекарь. Я этот дом знаю, не пожалеешь, дом ранее купцу принадлежал. На ладье плавал, да где-то сгинул, уже много лет ни слуху ни духу. Вот жена и продает.

На следующий день я попросил Афанасия помочь в покупке – я не знал, как и где оформляют купчую и как расплачиваться. И в моем мире делаются такие приобретения нечасто, а здесь ничего дороже одежды на торгу я не покупал.

Получилось быстрее и проще, чем я думал. Стряпчий в княжеском Кремле написал гусиным пером на пергаменте документ, мы расписались, свидетели – Афанасий с незнакомым мне горожанином – тоже приложили руку, после пошли в мою обитель, и Афанасий с продавцом долго звенели монетами, пересчитывая и переругиваясь.

Наконец все закончилось. В шапке осталось еще изрядно серебра. Афанасий молвил:

– Теперь поехали рухлядь на торгу покупать.

– Зачем мне рухлядь? – удивился я.

– А спать-есть на чем будешь?

Пришлось промолчать, рухлядью здесь называлось не то, о чем я подумал. На возке с Прохором и Афанасием мы отправились на торг. Афанасий во всех делах был дока, и знали его на торгу хорошо. Мы набили перинами, подушками, простынями почти весь возок и, еле уместившись сами, отправились к моей первой в этом мире недвижимости. Чем дольше я осматривал дом, тем больше он мне нравился. Широкий двор, сарай и конюшня сбоку, подвалы, просторные комнаты. Окна, правда, были затянуты слюдой, а не стеклом. Я велел холопу оставаться в доме и распрягать лошадь. Афанасий поскреб в затылке:

– Теперь тебе челядь нанимать надоть – ну там кухарку, сторожа, в доме убирать чего. Помочь?

Я быстро закивал головой, в городе знакомых не было, а брать первого попавшегося в дом не хотелось. Стремительно я обрастал домом и грядущими обязанностями, причем многое делалось как бы помимо меня – само собой. Вот уже я домовладелец, обслугу нанимать надо, видно, князь всерьез решил прибрать меня в стольный город своего княжества. Дав Прошке несколько монет, отправил его на торг – купить чего-либо съестного. С приобретением своего жилья теперь пришлось думать и о питании.

Встав утром, наскоро перекусил и в возке отправился в Кремль. Охрана у ворот пропустила беспрепятственно. Из дворовой церкви, видно, после службы, выходили люди. Ко мне подошел служивый:

– Княгиня призывает.

Я подошел, внешне женщина выглядела здоровой, была весела, жалоб не было. Сказала:

– Афанасий про возок твой дивный рассказывал, попробовать его хочу.

– Да ради бога, княгиня.

Я подвел ее к возку, посадил, и мы сделали круг по кремлевской площади, выложенной дубовыми плахами.

– И правда – не трясет, как на лодочке плыву. Хочу себе такой же!

– Помилуй, княгиня, я лекарь, не кузнец. Ежели у вас кузнец хороший есть, я могу показать, чего сделать надо.

С помощью вездесущего и всезнающего Афанасия мы пошли в хозяйственный угол Кремля, где за конюшней была кузница. Кузнец внимательно осмотрел мой возок:

– Ловко сделано, да мы не хуже сможем.

– Обустроился ли? – спросил Афанасий, когда мы шли обратно. – Сегодня я тебе людишек пришлю – выбери кого надо.

– Вот спасибо, – искренно поблагодарил я. – Чтобы мне без тебя в незнакомом городе делать?

– Вспомни это, когда заболею, – ответил Афанасий.

После обеда, прошедшего скудновато – Прохор сварил щи и кашу – большего он, по-моему, не умел, я лег на перину отдохнуть и поразмышлять. Дом-то у меня есть, но нужна работа, деньги имеют свойство кончаться, если кошелек не пополнять. И второй момент – надо перевезти Анастасию с сыном сюда, запала она мне в душу, а Прохора с повозкой вернуть Игнату Лукичу. И так уже неделю я здесь. Снова надо советоваться с Афанасием. Вскоре в ворота раздался стук – Проша пошел открывать. Пришли люди от Афанасия – наниматься. В городе только ремесленники, купцы и дружинники имели более-менее постоянный доход, все остальные перебивались огородничеством, охотой, рыбной ловлей. У женщин возможностей выбора было еще меньше.

В горницу вошли семь человек – два бородатых мужика и женщины разного возраста.

– Нас Афанасий послал.

Мужиков я взял сразу – сторож нужен, и за двором присмотреть надо, и по хозяйству без рабочих рук нельзя. Одна из женщин оказалась кухаркой, чему я обрадовался – покушать вкусно я любил, еще одна горничной, третью взял прачкой. Определил им их комнаты – в одной мужчины, в другой женщины.

Низко поклонившись, они отпросились за своими пожитками, а я на возке отправился к Афанасию, заехав на торг. Неудобно – человек мне помогает, а служит князю. Долго выбирал, что подарить; выбрал красивый небольшой нож в ножнах, местные мужчины им пользуются как обеденным.

Афанасий от подарка не отказался, по лицу было видно – подарком доволен.

– Люди от меня были?

– Да, спасибо, взял пятерых.

– А чего не всех, людишки проверенные, не вороватые, работающие. Платы большой не спросят, а по дому и двору работа всегда найдется. Ладно, потом поправим. Сейчас что хотел, помочь чем?

Я объяснил ситуацию с зазнобой в Касимове, да и возок вернуть надо, опять же холоп не мой.

– Пойду спрошу у князя, отпустит ли.

Быстро вернулся:

– Езжай, но через десять дней назад тебя ждать будет.

Я крепко обнял Афанасия – этого «серого кардинала» княжеского Кремля – и вернулся домой. Вновь нанятые люди были уже там, обустраивались. Из двух мужиков я выбрал более серьезного и степенного и сказал:

– Уезжаю на десять дней, дом блюдите, если надо запасы сделать – сена для лошадей, зерна, людям покушать – вот деньги, распоряжайся с умом.

– Все будет исполнено, – мужик с достоинством поклонился.

Я обратился к челяди:

– Всем его слушать, он старшим будет.

Мужик приосанился. Утречком, после завтрака – яйца, квас, лепешки, мы с Прохором выехали в Касимов. Такой гонки уже не было, лошадка трусцой пылила по сельским дорогам. Кушали и ночевали на постоянных дворах. В один из дней Прохор обратился ко мне.

– Юрий Григорьевич, ты теперь в Рязани жить будешь?

– Выходит, так.

– И меня Игнату Лукичу вернуть хочешь?

– А как же, ты же его человек, ежели сбежишь – поймают.

– Выкупи меня у него, по нраву у тебя жить, верной собакой тебе служить буду. У Игната Лукича неплохо, да городок невелик – то мужики спьяну дерутся, то еще что. А ты человек ученый, думаю я, далеко пойдешь.

Вот тебе и холоп. Раздумывал я недолго. Если Игнат Лукич согласится, попробуем.

До Касимова ехали пять дней. Игнат Лукич встретил как близкого родственника, крепко обнял, похлопал по плечам.

– Рассказывай, как там в Рязани?

Я вкратце пересказал основные события. Когда речь зашла о покупке дома, трактирщик огорчился:

– Я так и знал, что тебя рязанцы сманят, чуяло мое сердце. Жалко, хороший ты парень, да тесно тебе будет в Касимове. Ладно, коли так, езжай.

– Подожди, Игнат Лукич, просьба у меня к тебе, насчет Прошки. Уступи мне холопа.

Лукич недолго подумал:

– Ладно, тридцать сребреников, и он твой.

Я отсчитал деньги, первый раз в жизни я покупал человека, да еще и тридцать монет – как куда.

– Зазноба у меня здесь, хочу дом ее продать, да с собой забрать – поможешь ли?

– Что с тобой поделаешь, помогу.

Я помчался к Анастасии. Пока получалось, что я решал за нее без нее самой. Запыхавшись, вбежал в дом, Анастасия и ее сынишка сидели за столом, обедали.

Радости обоих не было предела. Анастасия радостно меня обнимала.

– Вернулся, из-за меня вернулся?

– Да, ненаглядная моя, за тобой вернулся.

– Сердцем чуяла, что в Рязань тебя князь сманит, думала, забудешь про нас.

Мальчонка вертелся рядом, с ожиданием заглядывая в глаза.

– Всех вас отсюда заберу, собирайте пожитки, дом продавать надо, телеги прикупить – добро кое-какое перевезти надо.

– А в Рязани, где жить будем?

– Дом я купил за княжьи деньги. Челядь нанял, не хуже других жить будем.

С радостным визгом оба бросились мне на шею. Короче, дел было полно, а времени мало. Снова обратился к Игнату Лукичу.

– С повозками забот не будет – иди на торг, наймешь повозки с возчиками, сколь тебе надо. За одну подводку до Рязани берут три алтына и две деньги, не прогадай.

– А с домом как быть?

– Пойдем, посмотрим дом.

Запрягли возок и поехали смотреть дом Анастасии. Там царила оживленная суета – собирались вещи, перетряхивалась одежда.

Игнат Лукич с деловым видом обошел дом, слазил на чердак и в подвал, зашел в сарайчик.

– Сколько хочешь, хозяйка?

– Да не знаю я, господин хороший.

Лукич обратился ко мне.

– Дом, если не спешить, за две гривны киевские продать можно. Если хочешь – даю одну гривну сейчас, и дом мой.

Кто знает, как долго будет продаваться дом, я кивнул головой и посмотрел на Настю. Она была тоже согласна. Ударили по рукам:

– Когда освободишь?

– Через три дня.

На обратном пути заехали на торг. Игнат Лукич степенно подошел к мужикам, долго с ними разговаривал, потом махнул мне рукой – давай задаток, скажи, когда и куда подъехать. Я объяснил.

Вернувшись на постоялый двор, Игнат Лукич велел натопить баньку:

– Сходим, попаримся с тобой, поговорим.

Натопили баньку хорошо, двое холопов плескали квасу на раскаленные камни, хлебным духом наполнилось все помещение. Мы улеглись на полки, сначала

аккуратно, затем сильнее и сильнее нас обиходили веничками, обмыли. Распаренные, мы вышли в предбанник, закутались в простыни, хлебнули крепкого холодного пива. К пиву на столе стояли вареные раки, копченая рыба и соленые бараночки. Хорошо!

Тело отдыхало.

– Как мыслишь далее жить?

Я пока и сам этого не знал.

– У князя во дворце есть такой мужичок – Афанасий. – Я кивнул, знаком уже. – Большое влияние на князя имеет, ты с ним не ссорься, мужик хороший, но злопамятный. Ты, лекарь, во многих делах занятый, жилка в тебе какая-то интересная есть, да и дно двойное али тройное. Это тоже чувствуется, осторожнее будь, ты человек здесь без роду-племени, поддержать тебя на первых порах будет некому, а кому-то дорогу ты уже перешел али перейдешь. С людьми видными и уважаемыми посговорчивее будь, на подарки денег не жалея, все сторицей окупится. Князь – человек разумный, но вспыльчивый. Более я сказать ничего не могу, не знаю, не в столице живу.

Никак не могу привыкнуть, что столицей они называют Рязань – столицу Рязанского княжества.

– Я мыслю, – добавил Игнат Лукич, – в верха пробьешься. Князем али боярином не будешь – это по рождению, но ум и хватка у тебя есть.

Давненько я так ни с кем не разговаривал, буквально по-отечески.

Поблагодарив Игната Лукича за все, что он для меня сделал, я пошел отдыхать.

С утра я отправился к Анастасии помочь собрать вещи. Особенно собирать было нечего, но узлов набралось изрядно.

– А с живностью как? – спросила Настя.

– Да никак – свиней продай или отдай соседям. На месте новую купим.

Я предложил сходить на торг, прикупить чего из одежды, но Настя меня огорошила:

– А в чем женки в Рязани ходят?

Ешкин кот, во все времена, наверное, женщины одинаковы. У нее судьба круто меняется – город, дом, спутник жизни, а она – какие в Рязани моды. Короче, на торг мы не пошли, решили купить в Рязани. Зарубили и сварили курицу, не пропадать же добру. Спать я отправился к Игнату Лукичу, все-таки внешние проявления нравственности.

Когда на следующий день, попрощавшись с Игнатом Лукичом, с небольшой сумкой с пожитками я подошел к Насте, телеги стояли уже там, возчики споро выносили узлы. На одной из телег укладывал вещи Прохор. В предотъездной суете я как-то о нем подзабыл.

– Здравствуй, хозяин! Я уже с вещами, – показал он на небольшой узел.

Вышли за ворота, из-за заборов выглядывали лица соседей.

Анастасия всплакнула, перекрестила дом, перекрестилась сама, мы уселись на телеги, и наша маленькая колонна из трех телег двинулась в путь. Прощай, Касимов. Начинался новый отрезок жизни.

Глава 6

Утомленные тряской, дальней и пыльной дорогой, мы благополучно прибыли в Рязань. В доме был порядок, при нашем приезде все челядины высыпали во двор поприветствовать нового хозяина. Я несколько приосанился, все-таки домовладелец, не голодранец какой. В мимолетном взгляде Настеньки я уловил уважение. Миша радостно закричал:

– Это теперь наш дом?

– Да, и твой тоже.

– Вот здорово! – и помчался по всем помещениям дома.

Я завел Настеньку в нашу спальню. Челядины навели относительный порядок, но с мебелью и уютом было скудно.

– Давай завтра сходим на торг, подкупим, что надо, ты прикинь сперва.

Челядь уже ушла выгружать и сносить в дом вещи, кухарка приветливо пригласила к столу.

По домашней пище все соскучились и дружно уселись за стол. Угощение было не как у князя, но очень достойное.

С утра, позавтракав, я отправился в Кремль, надо же было доложить о прибытии и провести княгиню.

Афанасий радостно меня приветствовал, спросил, как съездилось. Мы поговорили о разном, я спросил о княгине.

– Здоровье неплохое, возок ей уже переделали, как у тебя, очень довольна и просит передать тебе благодарность.

– К сожалению, тот возок был не мой, сейчас я без транспорта.

– Негоже уважаемому человеку пешком ходить, это вопрос престижа. Пешком ходят простолюдины. Пойдем-ка со мной.

Мы пошли к конюшне. Поговорив с лошадиниками, Афанасий подвел ко мне человека – он хорошо разбирается в лошадях, сходи на торг, обязательно купи лошадь. Ладно, надо слушать умных советов. Выбирал лошадь лошадиник, так как я в них не понимаю ничего. Наконец, сделка состоялась, и я взял лошадь под уздцы. Узнав, что хорошие возки на торгу не продают, надо их заказывать у мастера, отправился с лошадью домой. Прохор обрадовался лошади:

– Еще бы возок!

Пришлось идти к каретному мастеру, обговаривать с ним возок. К сожалению, срок изготовления был велик – два месяца.

Я занялся обустройством своей рабочей комнаты – на первом этаже.

Захар, который оставался за управляющего, пока меня не было в Рязани, сделал мне кушетку, как в больнице моего времени. Обил ее кожей, сделал стол – подобие письменного, вешалку для пациентов. Когда кушетку застелили белой простыней, на мгновение показалось – я вернулся в свою больницу, и такая тоска меня взяла.

Для работы требовался спирт, которого тут не было, но делали хлебное или твореное вино – нечто подобное разведенному самогону или водке. Снова пришлось идти к кузнецу – заказывать подобие самогонного аппарата – змеевик, металлическую емкость и другое. Через три дня все было готово, и я объяснил Захару, как этим пользоваться.

Первая порция была опробована, вкус был не очень, местные трактирщики забивали его добавлением ягод.

Я сразу решил – только лучшего качества.

– А скажи, Захар, где можно взять древесного угля?

– Дык, на торгу.

Снабдив деньгами, отправил его за углем. Не имея пока оборудования, бросили уголь в чугунок, налили туда нашего самогона, через день осторожно слили через вату. Самое то, практически чистый спирт градусов 70–80, горел чистым синим пламенем. С таким спиртом уже можно было работать, а настояв на орехах или ягодах, употреблять за столом. Наказав Захару заняться изготовлением спирта, я пешком отправился к Афанасию.

– Как мне быть с лечением, как обзавестись клиентами?

– Тобой уже интересовались в княжеском окружении – спрашивали, примешь ли их тоже, только ты в Касимов уезжал. Я направляю, а как дом твой найти?

Ответ нашелся по аналогии – на воротах будет табличка с красным крестом, про улицу я объяснил. Если крупные, центральные улицы еще носили названия, хотя таблички и не было, то про нумерацию никто и не вспомнил.

– Слушай, Афанасий, а почему бы вам на каждом доме не поставить номер, будет удобнее искать адрес?

– А зачем, все на улице друг друга знают.

Я решил зайти с другого бока:

– Налоги брать удобнее, купчие на дом оформлять удобнее и много чего другого.

Разговор о налогах заставил его задуматься.

– Ладно, обскажу князю – как он решит.

Проходя мимо торгового ряда, решил пройти по лавкам, без особой цели. Торг в те времена не только место торговли – там можно было услышать городские и иные новости, узнать цены на грядущий урожай и много еще чего.

Вдруг глаз зацепился за что-то знакомое, я вернулся – за прилавком сидел то ли араб, то ли армянин, и перед ним лежала стопка бумаги. За все мое время нахождения в этом мире бумагу я увидел в первый раз. Я подошел, взял листок. Сонное лицо продавца оживилось. Я потерял листок – качество было неплохое.

– Сколько стоит?

– Уважаемый господин разбирается в товаре, за последнюю седмицу ты первый, кто заинтересовался, тебе как первому покупателю отдам по копейке листок.

– Дороговато!

– Товар редкий, дорогой, издалека вез.

– Хорошо, давай двести!

Продавец подпрыгнул.

– Да это почти вся моя бумага.

– Вот всю и давай.

Я забрал бумагу, араб слащавым голосом спросил:

– А писать есть чем?

– А что предложить можешь?

Из-под прилавка, араб достал серебряную чернильницу – вместе с чернилами:

– Куна. Чернильница – чистое серебро.

Молча я отсчитал деньги.

– Привози еще, я возьму.

Дома никто моей радости по поводу приобретения бумаги не поделил.
Анастасия пожала плечами:

– Для баловства, что ли?

– Писать!

– Так неграмотные мы.

Да, в этом мире писать и читать из женщин почти никто не мог – за исключением княжеских и боярских семей. О неграмотности моих близких я и не догадывался, срочно надо было искать учителя.

Полежав и поразмыслив, я направился в ближайшую церковь. Обедня закончилась, народ уже почти весь разошелся. Стоявший у алтаря священнослужитель повернулся ко мне, я перекрестился, подошел, наклонился.

– И тебе мир, добрый человек, – и перекрестил меня. – В чем нужда?

Я сбивчиво попытался объяснить, что мне нужен учитель – чтения, письма, арифметики.

Святой отец размышлял недолго:

– Живет недалеко от церкви дьяк, по причине преклонных лет службу ему отправлять тяжело, но думаю, что тебе он помочь сможет.

– Спасибо, святой отец.

Он улыбнулся:

– Покамест я дьяк.

Пройдя к указанному домику, я нашел священника. Почти лысая голова и седая, как серебро, борода, морщинистое худое лицо и неожиданно умные, живые глаза. Одет был в старенькую рясу.

– Что привело тебя ко мне, сын божий?

Я объяснил ситуацию.

– Ну что же, нести свет в народ – богоугодное дело. Жди завтра.

Долго я объяснял Анастасии и ее сынишке, что они начинают учиться чтению, письму и счету. Мальчик обрадовался, а Анастасия проявила непонимание:

– Зачем оно мне?

Как мог, объяснил ей, что моя половина не должна быть неграмотной, что ей придется вести хозяйство, записывать расходы и вести учет. Долгое объяснение сразу вразумило.

– Только священника каждый раз кормите, видно, бедновато живет, а потом я с ним рассчитаюсь.

С этого дня и всю зиму каждое утро отец Амвросий приходил к нам домой и до полудня учил моих домашних. Миша делал успехи. Священник тоже – я хорошо ему платил, кормил, на старости лет это было ему неплохим подспорьем.

Между тем у меня начала появляться клиентура – сначала редко ближнее княжеское окружение, затем чаще – их родственники, а потом уже почти постоянно купцы, ремесленники с домочадцами.

Заработок стал постоянным, и жизнь приобрела устойчивость и надежность.

Почти все заботы по управлению домом и челядью взяла на себя Анастасия – и ей это нравилось, дом содержался в порядке – погреб полон запасов, а челядь ее боялась больше, чем меня.

Работа поглощала все время, но одна дума все время меня не оставляла. Наркоз! Я не мог ничего сделать без анестезии. Заштопать раны или удалить жировик еще получалось, но на более серьезное я не решался. Без наркоза у пациента наступит болевой шок, от которого он может погибнуть. Я все время искал выход и пока не находил. Я ходил на торг, заказывал купцам, что торговыми судами ходили в Италию, Испанию, Францию, – хлороформ, эфир, но тщетно.

В один из осенних дней я отправился к арабу – прикупить чернил и бумаги. Торговец меня встретил как старого знакомого, спрашивал – как жена, дети, здоровье. После долгих приветствий наконец дошли до дела. Я прикупил бумаги и чернил и заметил в глубине лавки курящийся кальян. Что-то мелькнуло в мозгу:

– А скажи, уважаемый, нет ли у тебя с родных мест порошка, навевающего грезы, или опиума?

Араб прошел за занавеску и вынес небольшой кусочек терпко пахнувшего опиума.

Араб подробно объяснил: настоять на хлебном вине или сосать под языком, отщипнув кусочек, он показал – сколько. Сам я наркотиками никогда не пользовался, а пациентам в отделении больницы мы кололи промедол, морфин – то есть заводские препараты, и как они изготавливаются, я не знал. Придется выкручиваться, как получится. Случай подвернулся скоро. Один из бояр, сойдя кое-как с повозки с помощью холопов, зашел ко мне в приемную комнату. Едва поздоровавшись – он стал охать:

– Ни сидеть не могу, ни ходить, лихманка меня трясет, – помявшись, добавил, – и оправляться по большой нужде больно.

После осмотра, когда стал ясен диагноз – острый парапроктит, – я предложил ему вскрыть гнойник.

– А выдюжу? Может, сам прорвется, ежели подорожник приложить.

– А помрешь ежели?

Помирать ему явно не хотелось.

– Ладно, ты лекарь ученый, делай, как знаешь.

Я дал ему выпить из плошки настойку с опиумом, через какое-то время глаза его затуманились, речь стала тягучей. С помощью его же холопа раздев его, уложил на стол. Вымыл руки спиртом, вскрыл гнойник, оказалось довольно много гноя. Сделав перевязку, отпустил домой, наказав завтра же посетить меня снова. Вырисовывалась еще проблема – что делать с больными, нуждающимися в наблюдении после операций, даже не тяжелых. Сделать пристройку во дворе, как у Игната Лукича в Касимове?

«Серый кардинал» Афанасий подсказал другой выход – недалече от торга амбар стоит, его для себя купец один строил, да прогорел, вишь, продает. Посмотри, перегородки внутри поставь, ежели надо, все быстрее будет, коли желание есть.

Амбар и впрямь оказался хорош – толстые бревенчатые стены, обширный подвал из камня, недалеко от торговой площади. Сговорились мы с бывшим купцом, а ныне скромным лавочником быстро. Я накидал на бумаге план перепланировки. Наутро привел Захара с Прохором в амбар и на месте показал, что делать. Мужики походили, посмотрели:

– Артель плотников нанимать надоть, доски, гвозди.

Прикинув, во что все обойдется, я отсчитал им деньги, пообещав заглянуть на стройку завтра. Без транспорта было как без рук, приходилось передвигаться пешком, сейчас я бы согласился на любую повозку.

Домой привезли вчерашнего боярина – выглядел он повеселевшим, жар спал, боль была терпимее:

– Спасибо тебе, лекарь Юрий. Ожил я, думал – конец подходит, ан семья большая – как им без меня?

– Все теперь уж, боярин, еще пару раз на перевязку приедешь – и здоров будешь.

Когда боярин, еще кривясь от боли, но уже без помощи холопов, выходил, оставил на столе кучу серебра – по весу куны полторы будет. Хорошо себя боярин ценит.

Следующие две недели я разрывался между стройкой и приемом больных. Вот уж не думал, что кроме лекаря я буду и строителем, и вновь изобретать уже сделанное кем-то. Но жизнь здесь была явно интереснее. Да, не было телефона и телевизора, не было машин и электричества, водопровода и много чего еще. Но здесь был вольный дух, свежий воздух, искренние до наивности люди, дорожившие своей честью. Сейчас я уже сомневался – предложи мне выбор – останусь я тут или предпочту вернуться.

К моменту окончания переделки амбара в госпиталь, как его называли, была готова у каретника моя повозка, чему я был рад. Пешком бегать по Рязани было утомительно, я решил перенести прием больных и небольшой стационар при нем в переделанный амбар, оставив в доме на экстренный случай приемную комнату. Насколько я знал, были в Рязани травники, костоправы и другие целители, но

никого оперирующего, естественно, не было. Поработав несколько дней в госпитале, понял, что без персонала мне не справиться. Взять готовых было негде, разве что санитарок – перестелить, убрать.

Их-то я нашел быстро, а вот подготовить что-то вроде сестер милосердия или сестричек мне придется самому. Я попросил Прохора сходить на торг, поговорить с людьми, пригласить к себе на отбор парубков и девушек. Дня через два-три ко мне стали подходить молодые люди, в основном меня интересовало, грамотный ли, не боится ли работать с кровью. Объяснял, что надо делать после обучения. В итоге из более чем трех десятков человек отобрал троих – двух парней и девицу. Немаловажным было и то, что у них было желание врачевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/korchevskiy_yuriy/pushkar

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)